

Алексей В. Фомин
Невидимый мир демонов

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7143722

Невидимый мир демонов./ Составитель. Фомин А. В.: Новая мысль; Москва; 2012

ISBN 978-5-902716-26-6

Аннотация

Реальность существования злых духов, механизм воздействия темной силы на людей, средства для успешной борьбы с бесами.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Существуют ли демоны?	7
Реальность темной мистической силы	9
Решение возражений против допущения бытия дьявола	13
Глава 2	15
Мир невидимый – «силы бесплотные»	15
Нравственное состояние злых духов и их действия в отношении к человеку	17
О диаволе и демонах	20
Ограничение власти злых духов	24
О смертоносном бытии диавола	26
Глава 3	31
Зло в мире	31
Виды злых страстей	34
Демон похоти	43
Состояния упадка духа	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Невидимый мир демонов

Составитель Алексей Фомин

НЕВИДИМЫЙ МИР ДЕМОНОВ

Реальность существования злых духов, механизм воздействия темной силы на людей, средства для успешной борьбы с бесами

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви ИС 12-121-2163

Полное или частичное воспроизведение настоящего издания каким-либо способом, включая электронные, механические или магнитные носители, в т. ч. фотокопирование, допускается только с письменного разрешения ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ».

Все права на издание и название защищены.

Переиздание возможно только с письменного разрешения ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ».

Предисловие

«Человек, живущий лишь материальными интересами и физическими ощущениями, не задумывается над такими «отвлеченными» вопросами, как существование Бога, существование духовного мира с добрыми и злыми духами, о загробной жизни. Он полностью поглощен своими каждодневными заботами. Но вдруг какие-то неожиданные потрясения встряхивают его, и он начинает чувствовать потребность осмыслить свою жизнь и увидеть цель своего существования. И вот, когда он задумывается над духовно-моральной стороной жизни, он быстро убеждается в том, что наука, в которую он до сих пор так верил, совершенно бессильна в том, чтобы помочь ему разобраться в его самых насущных и животрепещущих вопросах.

Если в нем совершенно не убито религиозное чувство, то он почувствует потребность обратиться к Богу, начнет молиться и читать Священное Писание. И если это не мимолетное лишь и поверхностное отклонение, а действительно серьезный перелом в жизни, искреннее желание стать лучше, то Бог начнет обновлять его сердце и открывать его внутреннему взору новые горизонты. Человек начнет явственно ощущать ведущую руку Господа, Его близость и Отеческую любовь. Он начнет понимать, что мир гораздо шире и богаче содержанием, чем ему раньше казалось. Он станет более чутко отличать добро от зла, начнет сознавать, что есть духовный мир и невидимые существа, которые влияют на его жизнь: одни в добром, другие в дурном направлении, что, кроме Бога, существуют Ангелы и бесы.

Ознакомление с духовным миром интересно и важно. Но откуда узнать о нем? Литература на эту тему очень обширна, противоречива, наполнена выдумками и всякой фантастикой. Однако учение Священного Писания на эту тему, хотя и лаконично, но очень четко и точно. Священное Писание учит, что существуют светлые и добрые Ангелы и что каждый христианин имеет своего Ангела-хранителя.

Кроме Ангелов, существуют бесы. Священное Писание и жизненный опыт убеждают в том, что они действительно существуют и представляют для всех не кажущуюся, а действительную и постоянную опасность. Как в человеческом обществе, наряду с нормальными и благонамеренными людьми, существуют всякие преступники, дегенераты, психопаты, садисты и так далее, так и в мире духов, кроме светлых и добрых Ангелов, существуют «подонки» духовного мира – дьявол и бесы. Как в нашем мире никто не рождается преступником, садистом или развратником, но становится таким вследствие своей беспорядочной и греховной деятельности, так и в том невидимом мире все существа поначалу были добрыми и благонамеренными, а потом некоторые из них, избрав дурной путь, развратились и стали сознательно-злыми. Вследствие преступной деятельности ангельский разум их помрачился, и они стали злыми, импульсивными и беспорядочными. Они находят удовольствие в том, чтобы причинять страдания другим и сеять всякое зло»¹.

«Когда в познании тайн мироздания человек сделал неизмеримый скачок по сравнению с эпохой Средневековья, можно ли говорить всерьез о падших ангелах, о диаволе как реальном существе, реальной силе, действующей в мире? Все разговоры о диаволе в наши дни – это не пережиток ли далекого прошлого, не порождение ли большого воображения или расстроенной психики?

Многие люди, услышав что-нибудь о диаволе и его кознях, принимают это за сказку. Но что бы люди ни говорили и ни думали о диаволе, он есть на самом деле, это неоспоримо. Диавол существует, его пагубные действия проявляются повсюду в мире. По мнению одного французского писателя, величайшей победой диавола было то, что он смог внушить людям, будто его нет.

Под диаволом Св. Писание понимает личность, свободноразумное и бесплотное существо, отправшее от Бога по своей собственной воле. Некоторые философы пытаются превратно истолковать слово Божие и говорят, будто бы в тех местах Священного Писания, где речь идет о злых духах, надо иносказательно подразумевать человеческие грехи, пороки, страсти, нечистые пожелания. Но это в корне неверно. В Св. Библии злему духу даются такие наименования, которые явно изображают его как личность – «лукавый», «сатана», «искуситель», «человекоубийца» и т. п. Кто заменяет личное имя диавола безличным словом «зло», тот отрицает реальное существование злого духа, и таковой человек не может быть истинным христианином – последователем Христа Спасителя, воплотившегося с целью разрушения дел диавола»².

«Диавол с демонами, после того, как через преслушание сделал человека изгнанником из рая, отлученным от Бога, получил доступ мысленно колебать разумную силу всякого человека и днем, и ночью, иного сильно, иного не очень, а иного слишком сильно. И не иначе можно оградиться от этого, как непрестанной памятью о Боге, которая, запечатлевшись в сердце силою Креста, укрепит ум в непоколебимости»³.

«Сегодня отрекающиеся от сатаны, и дуют, и плюют на него. Следует помнить, что внешне простое и незатейливое действие, которое иногда вызывает у пришедших улыбку⁴, на самом деле является событием, совершающимся лишь раз в жизни, событием, которое имеет отношение ко всей жизни (и земной, и вечной) человека.

Вдумайтесь: отречение от сатаны означает ссору с сатаной, вызов сатане. «И можно не сомневаться, что сатана не забудет этого отречения, этого вызова»⁵. «Дунь и плюнь на него!» Война объявлена! Начинается битва, исход которой – либо вечная жизнь, либо вечная гибель»⁶.

Глава 1

Реальность существования злых духов

Существуют ли демоны?

Есть ли в мире злые ангелы – злые духи или демоны? Нет, отвечают некоторые. А чем докажете, что их нет? Как, чем докажете? Тем, что их никто не видел, никто не осязал, никто... Ну, да одним словом, их нет, существование их противно здравому уму.

Только-то? Тут и все ваши доказательства? Ну, а если злые духи в самом деле существуют, если они имеют влияние на нашу душу; если они могут вредить ей – тогда что?

Вы не видели, не осязали злых духов? Да кто же из вас видел и осязал свою душу?... Так поэтому и душа ваша миф? Далее, кто из вас видел и осязал Бога? Поэтому и Бога нет? Поэтому вы безбожники!

Если же вы могли убедить себя в бытии Бога-Духа, если вы могли убедить себя в бытии души, существа духовного, невидимого, живого, то можете и должны убедиться в бытии злых духов.

Как наш разум познает бытие и свойства Божии? Ведь он его не видит, не осязает, он видит только Его дела, Его творения, и от действий и явлений переходит к причине, и говорит: «да, есть Бог, и вот его свойства те и те...» Не так ли?

Как наше чувство познает Бога? Правда, это не все испытывают, но смогли бы испытать, потому что чувство – это осязание духа – всем дано, но не у всех оно чисто, беспорочно, не у всех развито чувство такой чуткости, при которой дух наш соединяется с Богом, вкушает, осязает Его больше, чем видит. Со всем тем, как бы это чувство заглушено не было земными страстями и пристрастиями, все-таки человек, прежде всего своим чувством ощущает Бога, Его близость к себе, Его любовь и потом уже умом своим мыслит о Нем, разумом созерцает Его.

Как наша воля познает Бога? Это все знают, совесть каждого радуется за содеянное добро, за исполнение закона, преследует угрызениями за содеянное зло, за нарушение закона, начертанного в самой глубине души.

Итак, бытие и свойства Божии мы познаем чувством, волей и разумом, из ощущения, повиновения и рассматривания Его дел, воли и действий.

Точно также и теми же орудиями мы познаем бытие и свойства нашей души. Нет человека, какой бы упорный и отчаянный материалист и атеист он не был на словах, но который бы в глубине своего существа не познавал бы Бога и своей души.

Точно тем же путем и теми орудиями, чувством, волей и разумом мы можем познавать и сознать бытие злых духов. Мы познаем их по их действиям и делам, которых тьма тьмущая в истории человечеств. Попробуйте-ка, взгляните попристальнее.

Есть мир духов, которого мы не видим, не осязаем, но под влиянием которого все мы находимся каждую минуту жизни, который ближе к нам, нежели все то, что каждый день и час мы видим, слышим и осязаем. Живя на земле, используя преимущественно внешние чувства, мы часто вовсе не помышляем, что происходит вокруг и выше нас, между тем, в это самое время, когда мы так мало думаем о себе, весь духовный мир вокруг нас – в сильном и непрерывном движении, в великой борьбе за наши души, во всегдашнем споре за нашу судьбу. Ибо, по возвышенному взору евангельских писателей на нашу природу, мир человеческий стоит между двумя мирами: между светлым миром – ангельским – и между царством

тьмы, миром бесовским. Тот и другой ведут брань за нас, и сам Господь готовит бранные доспехи.

Какое отношение имеет к нам мир бесовский? Мы окружены этим миром; злые духи также тесно живут с нами, как мы тесно живем с нашими мыслями и чувствами. Эти тайные враги смотрят на нас в каждую минуту нашего бытия, наблюдают все шаги наши, замечают каждый шаг, каждый поступок. Они не спят и потому удобно сторожат у изголовья нашей постели, когда мы ложимся и спим без молитвы. Не тратят времени на пищу, и потому изыскивают случаи, дабы вместе с пищей, без имени Божия принятую, по допущению Божию, вселиться в душу нашу, чему видим пример на Иуде. Они живут с нами в домах наших, если эти дома нечестивы; преследуют нас вне дома, если мы идем без страха Божия; под защитой нашей вкрадываются даже в храм Божий, дабы издеваться над нашей молитвой, если мы совершаем ее в суете и рассеянности. Они называются начальствами тьмы, ибо от них первоначально произошло и происходит зло в мире, – властями, ибо они могущественнее человека, оставленного без помощи Божией, – миродержителями тьмы века сего. Все злое, нечистое и нечестивое в мире они, духи злобы, большей частью и начинают, направляют и поддерживают и приводят к исполнению. Это составляет их мрачную стихию, их область темную. И мир человеческий часто бывает так грешен и зол, так распутен и мрачен в делах своих, что в нем невозможно обитать Господу, а обитание в роде лукавом и прелюбодейном прилично самому сатане. Они именуются духами злобы поднебесными, ибо живут в воздухе, которым мы дышим, населяют реки и моря, торжествуют в гробах нечестивцев, устрашают мечтаниями в ночи, увлекают соблазнами во время дня, словом, – они везде есть, где есть человек: прикасаются ко всему, до чего дотрагивается человек, или до чего он может коснуться. Этой печальной истине есть доказательство простое, всем известное и каждым из нас более или менее испытанное, это – внутреннее наше чувство, в некоторые минуты поражающее нас невольным страхом, которого не могут истребить ни льстивые убеждения ложного разума, ни хитрости диавола. Скажите, отчего, например, мы чувствуем робость, когда сидим одни в глубоком часу полуночном и боимся ступить за порог жилья своего, как будто за ним точно ожидает нас душегубец? Отчего боимся в час вечерний оставаться одни на берегу озер и рек, боимся даже встретить там человека, как будто бы он был не человек, а привидение? Почему в сумраке ночном страшны бывают нам кладбища, как будто бы это место, где покоится священный прах наших предков, были жилищами злых духов? Отчего ощущаем насильственный трепет, когда вступаем в пустой полуразрушенный дом, где некогда жил и веселился не совсем праведный богач, или когда запоздаем в глубине мрачных роц и лесов, хотя бы совершенно и были уверены, что тут нет ни лютых зверей, ни злых людей? Почему все это? Это не просто детский страх, ибо его ощущают люди самые крепкие духом. Нет, в этом случае, внутреннее наше чувство, действуя независимо от тела, без труда угадывает влияние существ невидимых; наша душа не занятая предметами внешними, становится ближе к духовному миру и как бы видимо ощущает прикосновение сил темных. Отсюда у всех народов вера в существование злых духов; оттого бесчисленное множество народных сказаний о действиях и явлениях таких духов; поэтому часто слышим выражение: это место не доброе; такие-то часы неблагоприятные и черные в нашей жизни и т. п. Конечно, в этих простых сказаниях много ложного и суеверного; но главное основание их справедливо, ибо действительно, есть такие дни и часы в нашей жизни, когда диавол нападает на нас с особенной силой. Сам апостол Павел называет такие дни злыми, лютыми, бедственными для нас: «Приимите всеоружие Божие, – говорит он, – дабы вы могли противостать в день злой и, все преодолев, устоять» (Еф. 6, 13).

Евстратий (Голованский Иоанн Антонович). Явления злых духов в прошедшее и настоящее время. – Киев, 1871.

Реальность темной мистической силы

«В сентябре 2000 года во время папской мессы произошло нечто необычное. Неожиданно для присутствующих некая юная итальянка начала вести себя, мягко говоря, неадекватно. «Сатанинский смех исходил из девушки», писали газеты. Папа Римский лично приблизился к ней и попытался произвести акт экзорцизма – изгнания дьявола. Но бес затих лишь ненадолго. А потом, как оказалось, проявился с новой силой. Рогатый папе не поддался. (В католицизме, кстати, чин экзорцизма формально отменен в 1972 году).

Случившееся не прошло бесследно. Прагматичный и уже почти безрелигиозный мир задумался: реальна ли эта незримая и страшная сила? А то ведь, улавливая влияние невидимого, тонкие поля признает физика; «черные дыры» – астрономия... Только в незримых духов, которые воздействуют на каждого из нас ежесекундно, мы не верим. Мы, сами являющиеся духами, облеченными плотью!

Еще Гете говорил: обыватель не замечает дьявола, даже когда тот держит его за глотку. Рабу комфорта кажется, что изгнать виртуального дьявола легко: выключи телевизор, на экране которого он присутствует почти постоянно, – и все. Действительно, на Западе, исполняющем похоти лукавого, демоны ненавязчивы. Дьявол продал кинокомпаниям права на использование его имени и стал в один ряд с Микки-Маусом. Поэтому даже богословы в этих несчастных странах рассуждают о дьяволе как-то спокойно, отвлеченно.

Многие считают сатану лишь фигурой речи. Абстрактным символом зла. А значит, поддаются тому, кто назван «отцом лжи». Об этом говорит и святой праведный Иоанн Кронштадтский: «Упорное неверие в злых духов – есть настоящее беснование, потому что идет наперекор истине, наперекор откровению Божию. Господь пришел на землю именно для того, чтобы разрушить дела дьявола и спасти от насилия его человека. Если нет дьявола, то нет христианства, тогда пришествие в мир Сына Божия было бы не нужно. Но это нелепо. И опыт каждого из нас, и здравый смысл, история жизни святых и история всех народов удостоверяет нас в бытии злых духов... Духовно узреть их очень важно. Ведь суть игры в прятки такова: если нет дьявола, то нет и Бога...»⁷

Приведем отрывок из книги М. В. Лодыженского «Мистическая трилогия».

«Если нами усвоена идея о реальности силы Божества Личного, то нами должна быть признана и другая идея об иной мистической и притом также личной силе – о силе противоположной Божественной. Если мы признаем Незримый Свет Божества Личного, то должны признать и тьму, идущую из темных личных сил.

Здесь надо заметить, что усвоение этой последней идеи является наиболее трудным в наш век скептицизма ко всему мистическому, – скептицизма, возникшего после победоносных завоеваний положительного знания, разоблачившего многие суеверия минувших эпох. Человечество выбилось из своей, прежней крайности в суевериях, но зато оно впало в другую крайность – в крайность поклонения только материальному началу, как единому носителю истины, в крайность огульного отрицания всего не материального, не ощущаемого пятью нашими чувствами.

Однако и этой крайности должен придти свой конец.

В последнее время, с появлением в мире многих великих открытий, сбивших материалистические воззрения с их позиций, с развитием исследований в области психологии пришла очередь пошатнуться вере людей и в незыблемость материализма.

И, вот, стали появляться признаки ослабления скептицизма отрицающего все мистическое; стал ослабевать и скептицизм отрицающий темную (злую) мистическую силу.

Существование дьявола и бесов для нашего русского философа Вл. Соловьева было фактом серьезным и столь же доказанным, как существование животных и растений. По

сообщениям близкого друга Соловьева В. Л. Величко, однажды в присутствии Вл. Соловьева был такой случай. Писатель Лесков стал при Соловьеве иронизировать над теми, кто верит в мистическую темную силу. Интересно, как на эту иронию отозвался русский философ.

Услышав эту иронию, говорит Величко, Соловьев вздрогнул; глаза его странно загорелись и он прерывисто произнес:

– Да какой же человек, внимательно всматривающийся в жизнь, может не верить в существование бесов!?

Величко пишет, что это было сказано Соловьевым тоном такого убеждения, что перед нами (участвовавшими в общем разговоре) как будто приподнялась завеса чего-то невидимого и страшного, и Лесков машинально произнес:

– Ну, конечно, еще бы!

Величко далее сообщает, что Лесков, припоминая впоследствии этот факт, говорил ему, что совершенно искренно согласился в ту минуту с Вл. Соловьевым⁸.

Итак, независимо от общей идеи о зле, рождающейся в человеке при выяснении им своей эгоистической природы, в наше общество умозрительным путем начинает проникать другая идея – идея, допускающая наличие зла тайного, сокровенного, чувствуемого мистически, зла, как особой энергии, нападающей на человека извне, а для успешной борьбы с этой силой человеку нужно иметь, как и для борьбы со своей эгоистической природой, точку опоры также в ином мире, в том мире, откуда притекает на землю энергия Высшего Добра, именуемая Благодатью Божественной.

Надо вообще сказать, что так как за последние десятилетия наши знания физического мира значительно возросли, то и применение аналогий из этого мира может быть расширено. Через эти аналогии и может быть достигнуто некоторое понимание мира мистического и в данном случае понимание субстанции мистического зла – что и дает нам ответ на поставленный вопрос. Мы говорили – «некоторое понимание», потому что едва-ли когда-нибудь человек своим рассудком в состоянии будет ясно и точно представить себе субстанцию злого духа, какова она есть сама по себе. Если наша философия признает, что мы не в состоянии познать вещи в себе даже в мире физическом, то, конечно, нельзя ожидать от человека точного рассудочного познания существа злой силы.

Напомним сначала читателю некоторые данные из мира физического.

Во-первых мы знаем, что с открытием радиоактивности наша положительная наука отринула прежнюю гипотезу о неделимых атомах. Теперь эта гипотеза заменена другой теорией, по которой атом состоит из частиц энергии, еще более бесконечно малых, чем сам атом, – состоит из частиц, связанных между собой подобно тому, как планеты связаны в движущуюся систему. Каждый атом является сложной планетной системой со своей внутриатомной энергией; в каждом атоме есть своя внутренняя жизнь – жизнь бесконечного движения. Но наряду с этим мы также знаем, что эти атомы формируют видимые нами тела, что бесконечное различие комбинаций этих атомов, известным образом между собой связанных, и дает бесконечное разнообразие тел физического мира.

От мира неорганического перейдем к миру органическому. Основой органического мира, как мы знаем, является протоплазма – эта жизнедеятельная материя, которая творит живые клеточки и живые тела растительного и животного царств. Внутренняя жизнедеятельность этой протоплазмы, конечно, неизмеримо сложнее внутриатомной энергии неорганических тел; эту жизнедеятельность протоплазмы, образующей живые организмы, мы нашим рассудком уже постичь не можем в той степени, как мы уяснили себе жизнь движения в простом атоме. В протоплазме реагирует уже свой особый фактор энергии – фактор жизненности материи, нам пока совершенно непонятный.

И, вот, мы, минуя вопрос о существовании этого фактора, все-таки стремимся изучать органическую жизнь дальше, изучать её в самых различных проявлениях. Идя по этой дороге, мы наконец добираемся до объяснения причин многих инфекционных заболеваний; мы узнаем, что причиной этих заболеваний являются болезнетворные микробы – эти своеобразные микроскопические комочки протоплазмы (о которой мы только что говорили), – эти тельца с известной особой организацией, существа живые, живущие, как паразиты, в теле человека.

Теперь возвратимся к нашей теме о субстанции злой силы. <...>

Субстанция эта суммирует в себе все эти силы в одну, подобно тому, как иной животный организм суммирует в себе энергию бесконечного числа комочков живой протоплазмы (одетых и не одетых в клеточки), бесконечное число кровяных телец и т. д.

Эта целостная субстанция злой силы и может быть ясно ощутима человеком или в виде зрительного восприятия целого образа или в других восприятиях – слуховых и осязательных.

Человек, получивший, благодаря своей обострившейся психической ненормальности, способность ощущать и даже видеть одну из вредоносных субстанций вне физического мира, судит об этой субстанции совершенно также, как судим мы о вещах физических по впечатлениям наших пяти органов чувств, хотя сами мы в существо этих вещей проникнуть не можем. Человек в данном случае судит о злой силе по тем образам, в которых она ему является.

Образы эти, отпечатлевающиеся в мозгу человека, бывают самые разнообразные; у каждого визионера они получают свою окраску или, так сказать, свой стиль, ибо образы эти известным путем преломляются в восприятиях человека, проходя через призму тех индивидуальных условностей, в которых вырос человек, проходя вместе с тем через особую способность каждого человека чувствовать по-своему мистический мир. У многих, подверженных истерии – это отвратительные гады, которыми они вообще галлюцинируют независимо от галлюцинаций, свойственных каждому истеричному, имеющих свои особые причины к возникновению у каждого больного.

Итак, злая сила одна, но проявления ее разные. Если она «сама по себе и пластична и может различно формироваться, то и человек, на которого она явно воздействует, – чувствует и воспринимает ее, каждый, по-своему. Поэтому-то и является такое разнообразие в видениях демонов.

Но это разнообразие несколько не опровергает того, что темная сила, действительно, существует; ведь главные психологические черты злой силы во все времена являлись одинаковыми, и в глазах видевших злую силу людей и общавшихся с ней, энергия этой силы направлялась всегда к одним целям: или в сторону усиления злых человеческих страстей, сжигающих человеческую душу, или в сторону растравления нравственных страданий человека...

В следующих главах мы будем говорить о темной силе, являющейся в самых разнообразных видениях. Мы будем вести речь о демонах или бесах или диаволе, как называют злую мистическую силу христианские подвижники. Мы будем говорить о различном внешнем проявлении темной силы и о целостности субстанции ее образа, являющегося в видении – субстанции личной, обладающей мыслью и волей.

Но прежде, чем трактовать обо всем этом, надо закончить собственно философскую сторону исследуемого вопроса о темной силе.

Мы признали демонов, как известную реальность, независимую от человека, но мы ничего еще не сказали о месте демонов в мире, в духовном его космосе и об отношении демонов к Божеству.

Предупреждаем читателя, что здесь мы уже должны выйти из области реальных данных, которых мы старались, по возможности, держаться; здесь мы должны вступить в

область религиозных верований и прежде всего сказать, что мы, как христиане, верим в бытие «падших ангелов» – мятежных духов, враждебных Богу, враждебных любви христианской.

В этих религиозных воззрениях наших относительно падших ангелов (они же демоны) мы следуем христианской философии, как наиболее приемлемой для нашего сознания».

Решение возражений против допущения бытия дьявола

Рационализм отрицает возможность и действительность существования сатаны и других злых духов в качестве живых личных существ. Это, конечно, следствие отрицания им бытия всяких духов вообще или ангельского мира вообще. Но в данном случае, смешивая намеренно или ненамеренно библейское учение о злых духах с вульгарными простонародными о них представлениями и изображениями, дьявола в поэзии (Люцифер и все демонические типы, как Манфред, Каин и др. у Байрона, Мефистофель у Гёте, Демон у Лермонтова), мало или вовсе ничего с ним общего не имеющими, рационализм, кроме разных посторонних соображений, старается указать в самом христианском учении такие черты, которые делают его невероятным или неправдоподобным в психологическом и других отношениях. Из бесчисленных возражений можно указать наиболее важные. а) Немыслимым представляется такое глубокое падение, при котором все существо из доброго делается злым, и при том вследствие однократного греховного акта.

Но такое падение совершенно естественно для высшей ангельской природы, особенно могущественнейшего из Ангелов. Его отпадение от Бога не было делом внешнего обольщения, как отчасти это было у людей в раю, не было делом слабости, но твердо принятым, сознательным и намеренным решением собственной воли, воли не человеческой, но могущественной воли, и ума не человеческого, но ангельского. Кто высоко стоит, тот низко и глубоко падает; это общий закон, наблюдаемый и в человеческом нравственном мире. Закон вполне понятный. Чем богаче натура в человеке, тем, конечно, сильнее, глубже и шире все ее проявления, – как в дурном, так и в хорошем: посредственность во всем остается посредственностью, гений – велик во всем. Кто глубоко чувствует и желает, тот глубоко и падает при дурном направлении воли; кто глубоко мыслит, тот глубоко и ошибается: дерево никогда не ошибается, ибо оно не мыслит; животное редко и мало ошибается, ибо оно редко и мало (плохо) думает; глупый человек ошибается больше, но ошибки великого ума ужасны. В природе ангельской все существует и совершается в необычайных для человека размерах; ничто в нас не может сравниться с силой, глубиной, могуществом всех движений их духовного существа: эти движения сильны, быстры и бесповоротны. В человеке самые немощи тела и духа, его слабость и телесность служат часто ограничением греха или злой воли. Решения злой воли находят препятствия к своему осуществлению и свое ограничение в том, что часто начало свое они берут в неустойчивых и изменяющихся движениях тела, внешних впечатлений или чувств, быстро изменяющихся и заменяющихся новыми, одним словом – со вне, а не в самой глубине духа. Мир внешний с разнообразными его впечатлениями не дает злой воле (злу) сосредоточиться внутри, раз оно появилось, выманивает его наружу и тем самым обессиливает, делает его поверхностным и мелким, так что рассеянность служит человеку на пользу. Служит ему на пользу и скука, и усталость, и ограниченность пространством и временем всех движений или актов его ума, воли и чувства, вследствие чего и акты зла души требуют напряжения, времени, вместе с тем влекут за собою усталость и отдых. И самая мысль в человеке, как бы ни была она быстра, подлежит мере времени (1/6 секунды) и пространства. Но ничто не связывает Ангела во всех актах и движениях его существа: ничто не отвлекает его от самого себя, везде он наедине с собою, не может он, даже если бы хотел, укрыться от самого себя за телом и внешним миром, – уйти своими силами во внешний мир: его силы не отвлекаются и не расходуются на стороне в борьбе с материей и для борьбы с ней, но сосредоточиваются, ничего не теряя, в нем самом. Ничто не замедляет и не ослабляет безумство действующего и никогда не требующего отдыха его духа; не находит для себя границ злая воля его во времени: движения его мгновенны, быстры и не подлежат

измерению; нет границ им в пространстве: быстро переносится злой ангел с места на место, куда влечет его злая воля, и нет для нее никаких физических препятствий!

б) Неправдоподобным представляется в высшем Ангеле с его высоким и светлым умом безрассудное намерение сравниться с Богом или, по крайней мере, стать от Него независимым. Но намерение это возникает в Ангеле под влиянием охватившей его страсти гордости, которая никогда не делала и не делает никого умным подобно всем страстям, если не больше (любовь, ревность, зависть, тщеславие и проч.). Давно уже сделалось избитой истиной, которую здесь приходится повторить, – что страсть ослепляет и подавляет рассудок, и это в особенности применимо к греховным страстям. Всякий грех в отдельности несет с собой, в различной мере (сообразно со своей важностью) ужасное наказание для человека: он делает его из разумного существом неразумным. Это иначе и быть не может в виду тесной связи между всеми сторонами духовной деятельности и несомненной связи между познанием и сердцем. Ошибки сердца – отзываются и в уме, и это не только в сфере практической, но и научной, где сплошь и рядом видишь действие этого закона, по которому мышление несомненно даровитых и сильных умов поражается каким-то бесплодием, пустотой и неизменностью, когда этим сильным и не мелким умам не достает благородного сердца, возвышенного характера. Ложь сердца влечет за собой ложь и в уме и притом в таких сферах ума, как научное мышление, где, по-видимому, действует т. н. «чистое мышление»; но «от нечистого что может быть чистого, и от ложного что может быть истинного?» (Сир. 34, 4). Неразумие во всем, более или менее явное, это первое проклятие греха, который по существу своему есть неразумие, т. е. отрицание разумного.

Анализ вышеизложенных возражений с ясностью обнаруживает психологическую правдивость христианского учения о дьяволе, несколько его не колебля.

Светлов П., священник. Опыт апологетического изложения православного христианского вероучения. – Спб., 1896. Т. 1.

Глава 2

О диаволе и демонах

Мир невидимый – «силы бесплотные»

Ветхозаветная священная книга Бытия, повествующая нам о происхождении всего сущего, начинается словами: «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1, 1). Высокоавторитетные толкователи Слова Божьего разъясняют нам, что под этим «небом» надо понимать мир невидимый, невещественный – мир духовный, а под «землей» – мир видимый, вещественный – мир материальный. В этом именно смысле и в Символе нашей веры Бог называется «Творцем небу и земли, видимым же всем и невидимым».

Этот мир невидимый, мир духовный, образно называемый «небом», есть мир бесплотных сил – бесплотных духов, или мир ангельский, который Бог создал прежде творения мира видимого, вещественного, материального.

В честь этих «Честных Небесных Сил Бесплотных», с Архистратигом Михаилом во главе, как их началовождем, наша Св. Церковь издревле установила праздник, торжественно совершаемый 8-го ноября по нашему православному календарю.

В начале все эти бесплотные силы, или Ангелы, были созданы добрыми духами, исполненными великих совершенств. Но вот, один из самых высших Ангелов – Денница, прекрасный подобно утренней заре, вместо того, чтобы воздать хвалу Богу за свои совершенства прославляя Его, как Творца своего, залюбовался собой и допустил в себе горделивую мысль, что он, в своих совершенствах, ничуть не уступает Богу, что он равен Богу. И эта горделивая мысль послужила причиной к его немедленному падению с высот небесных в глубины адского мрака. Она так исказила, так изуродовала его прекрасный, воистину богоподобный лик, что он в одно мгновение из высшего и совершеннейшего творения Божьего сделался самым отвратительным, самым омерзительным существом. Силы небесные, в лице прочих бесплотных Ангелов, подвиглись на обуюнного гордостью Денницу и низвергли его во тьму кромешную.

«Как пал ты с неба, Денница сын зари!» – горестно восклицает о нем св. пророк: «в преисподнюю низвержена гордыня твоя... А говорил в сердце своем: взойду на небо, выше звезд Божьих вознесу престол мой... буду подобен Всевышнему. Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней» (Ис. 14, 12–15).

«Кто, яко Бог! Кто равен Богу?!» – восклицал победоносно Архистратиг небесных сил, низвергший Денницу, и дано ему славное имя: «Михаил», что и значит: «Кто как Бог», – а Денница стал Сатаной.

Так произошел, еще на самой заре мировой истории, в мире духовном, до появления мира вещественного, первый бунт против законной Божеской власти, первая революция, имевшая потом такие неисчислимо бедственные и горестные последствия!

Бесчисленные тьмы тем ангельских воинств: Ангелы, Архангелы, Начала, Власти, Силы, Господствия, Престолы, многоочитые Херувимы и шестокрылатые страшные Серафимы окружают Престол Божий, вызывая «непрестанными усты, немолчными славословиями: «Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф, исполнь небо и земля славы Твоей!» Все эти Ангелы Божьи, оставшиеся верными Богу, суть провозвестники и исполнители воли Божьей, как показывает само их название, ибо слово «ангел» значит «вестник». «Не все ли они суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение?» (Евр. 1, 14) – говорит о них св. апостол Павел. И мы знаем в Священной Истории, как

Ветхого, так и Нового Завета, множество случаев служения Ангелов делу спасения созданного потом Богом человека. Ангелы являются орудиями Промысла Божьего о целых человеческих обществах. «Они даются», как учит наша Св. Церковь: «для хранения городов, царств, областей, монастырей, церквей и людей, как духовных, так и мирских» (Пр. Исп. 19). Но Ангелы служат орудиями Промысла Божьего и об отдельных, частных лицах. Каждый из верующих получает своего особенного Ангела, которые пребывает при нем и хранит его от всякого зла, почему и называется «Ангелом-Хранителем».

Но и Сатана, низвергнутый с неба, не остался один, а увлек за собой в бездну падения своего великое множество сил бесплотных, которые, подобно ему, сделались духами зла – бесами злыми, силами тьмы, всегда противящимися Богу и Его всеблагим промыслительным планам.

Слепой в своей горделивой ожесточенной злобе (злоба всегда слепа!) Сатана, с помощью подручных ему злых духов, начал неистовую борьбу против Бога и оставшихся верными Богу честных небесных сил бесплотных. А когда созданы были Богом первые люди, он и их, прельстив гордостью, научил дерзко нарушить заповедь Божью, дабы отвлечь их от Бога и увлечь на служение себе, вместо Бога.

Вот, еще с тех пор, с самого начала мировой истории, все, что в мире происходит, объясняется не чем иным, как только этой непрестанной борьбой, этим никогда не прекращающимся злобным противлением Сатаны и служащих ему духов тьмы Богу и его светлым ангельским силам.

Нужно раз и навсегда понять и запомнить: Бог желает спасения человеку, и все делает для его спасения, а Сатана, безумно сам себя обрекший на гибель, жаждет гибели и человеку и все делает, дабы его погубить.

Вся мировая история – это и есть борьба светлых и темных сил за душу человека – этого венца Божьего творения – и, с этой точки зрения, все, что в истории человечества совершается, становится для нас вполне ясным и понятным, не возбуждающим никаких сомнений и недоумений. Можно только удивляться духовной слепоте тех, кто этого не понимает – или не хочет понимать – и дает всему какие-то свои собственные объяснения и толкования, которые ничего по-настоящему не объясняют, а скорее только затуманивают, отводя от истины.

Всегда Сатана вел борьбу против Бога за порабощение своей власти человека, но в переживаемое нами время, как никогда прежде, ощущается это страшное действие сатанинских сил в мире, все более и более, на наших глазах, расширяющееся.

Аверкий (Таушев), архиепископ. Современность в свете Слова Божия. Слова и речи. Джорданвилль, 1975.

Нравственное состояние злых духов и их действия в отношении к человеку

Нравственное состояние злых духов самое мрачное, а деятельность их в отношении к человеку – самая вредоносная и пагубная. Демон, явившийся св. Ирине, говорил о себе, что он учитель любодеев и прелюбодеев, глумитель пьяницам, радующийся о кровопролитиях, наставник всякой лжи и неправды. Бес, явившийся св. Иулиании, объявлял ей, что он советовал Еве в раю преступить заповедь Божию, научил Каина убить Авеля, соблазнил Соломона, Ироду вложил мысль избить детей, Иуде предать своего Учителя и удавиться. Вся деятельность злых духов в отношении к человеку направлена к тому, чтобы совращать его с пути добродетели и развращать, и чтобы совращенный с пути нечестия человек был вместе с ними в вечной муке и неугасимом огне. «Велика сила Христова, помогающая вам, – говорил дьявол св. Пахомию – но я не перестану бороться с вами и буду делать свое дело». Различна и многообразна злоба бесов, наставляет преп. Антоний, они устраивают брань против всякой добродетели. Люта их ненависть ко всем христианам, особенно же к инокам и Христовым девам: пути их запинаят мрежами, сердца их стараются наполнить богомерзкими, нечистыми помыслами. Если и перестают обольщать их, то на малое время: посрамленные они нападают с большею силою. Когда не могут в помыслах соблазнить человека, то изменяют образ борьбы и начинают искушать мечтаниями, преобразуясь иногда в женское подобие, иногда в скорпионово и в столь великие тела, что могут доставать головой до верху храма, а иногда и в полчища воинственные. Когда же и это коварство их бывает открыто, они начинают предсказывать будущее. Когда же и это узнается, тогда бесы призывают на помощь злобу своего начальника. Все эти и другие подобные им виды злобы злых духов можно находить в жизнеописаниях св. угодников Божиих.

Злые духи действуют на душу и тело человека христианина, возбуждая в душе нечистые и богохульные помыслы, а тело – поражая болезнями. Преп. Нифонту бес постепенно влагал в мысль: нет Бога, где Бог? и Христа нет! я один все содержу и над всем царствую. Никите, затворнику печерскому, бес, явившийся в образе ангела, не велел молиться Богу, а только читать книги, да подаст полезное слово приходящим к нему, и обещался сам молиться о спасении его. Тело св. Симеона Столпника дьявол поразил столь лютою язвою, что оно начало гнить, и из язв его исходил гной с червями. Св. Иоанникия дьявол уязвил в ребра такую болезнью, что он был безгласен семь дней. Для обольщения и соблазна св. подвижников злые духи преображались в различные образы и употребляли для того обольщения всякие средства – и великие, и малые, и даже ничтожные. Бес в светлом образе приходил к Пахомию и говорил: «Радуйся, Пахомие! Я Христос и пришел к тебе, как к другу». Для обольщения св. Симеона Столпника дьявол преобразился в ангела светла и сошел к нему с неба на огненной колеснице. На соблазн св. Илариона дьявол полагал на его постели бесстыдных жен нагих, во время ощущения голода и жажды представлял ему сладкие снеди и пития. Св. Пахомий видел беса в образе прекрасной жены, идущей в обитель со множеством слуг. Преп. Феодоре вдове бес являлся в образе мужа ее.

Преп. Феодор был исцелен от недуга сребролюбия преп. Василием. Бес, приняв образ Василия, явился к Феодору и говорил: «Феодоре! как успеваешь? перестала ли у тебя брань бесовская, или бес все еще беспокоит тебя, приводя на память розданное нищим имение?» Феодор сказал, что он молитвами его (Василия) успевает, и при этом обещался и впредь исполнять все, что он ни прикажет. Бес велел ему просить у Бога множество золота, чтобы иметь покой и воздаяние за розданное имение и иметь возможность раздавать нищим. Феодор стал молиться об этом, а дьявол указал ему в одной пещер множество золота. Когда Феодор получил золото, он советовал ему выйти из монастыря в другую страну – и там купить поме-

ства, чтобы опять не потерпеть искушения скорби о богатстве. Феодор было и склонился на то, но Бог послал к нему преп. Василия, который разоблачил прельщения дьявола и спас душу его.

Св. Феодору Сикеоту дьявол явился в образе юноши – друга Геронтия, который вместе с ним учился в училище. Гуляя с Феодором, он поставил его на высочайший холм над пропастью и предлагал ему показать свое мужество и соскочить вниз.

– Боюсь, – отвечал Феодор, – очень высоко!

– В училище ты был мужественнее всех нас, – стыдил его дьявол, – а теперь робеешь; вот я не боюсь, если и соскочу.

Феодор уговаривал его, опасаясь, как бы не разбился он.

– Никакой беды не будет, не бойся.

– Если ты первый бросишься, и я увижу тебя целым, тогда и я сделаю то же.

Дьявол бросился вниз, и встал прямо и звал к себе Феодора. Пока еще Феодор стоял в изумлении от подвигов Геронтия, явился к нему св. великомученик Георгий и, взявши его за руку, сказал ему: иди отсюда; это не Геронтий, но враг рода нашего.

Иногда бесы для прельщения св. подвижников являлись в образе благочестивого человека. Преп. Авраамия затворнику, во время его молитвы, бес поставил светильник и пел псалмы. Множество бесов однажды пришло ночью к преп. Макарию Египетскому и говорили ему: вставай, Макарие, и пой с нами, – зачем спишь? Преподобный, познав бесовскую прелесть, вопиял: «Христе Боже! помози мы и избави мя от обошедших мя» – и бесы с шумом исчезли.

Принимали бесы и образ различных животных. Во время молитвы св. Илариона дьявол появлялся ему то волком воющим, то лисцей скачущей. Преподобного Сергия бесы устрашали, преобразуясь в зверей и змей. Св. Трифону дьявол явился в образе большого пса. Даже люди, имеющие и общение с бесами, могут производить и бесовские мечтания, например, переменять воздух, производить ветры, гром и дождь, возмущать морские волны, наносить вред в садах и полях. Волхв Киприан на юношу, уязвившегося нечистою похотью к св. Иустине, возложил птичий образ со способностью летать по воздуху.

Для обольщения людей бесы иногда предсказывают будущее; это будущее они знают не потому, что обладают даром пророчества; но предсказывают то, что они или сами сделали, или сами же научили чему злых людей, например, убить или украсть. Так, когда к Никите затворнику приходили желающие слышать от него слово утешения, тогда бес в образе ангела возвещал ему все случившееся с ними и предсказывал будущее – и сбывалось так. Могут они знать будущее, как духи бесплотные, на основании долговременного опыта и наблюдения над вещами и делами человеческими; но также часто лгут и обманывают.

– Знаешь ли ты, – спрашивал св. Пахомий явившегося к нему беса, – что по кончине нашей братия не так усердно будут служить Господу, как теперь?

– Знаю верно, – отвечал бес.

– Лжешь ты на свою скверную голову; знать будущее принадлежит одному Богу, а ты одна ложь.

– Во мне нет предведения, сознавался бес, и я сам по себе ничего не знаю; знаю, что случится в будущем, посредством знания прошедших и настоящих вещей.

Нападая и злодействуя человеку во время его земной жизни, злые духи не оставляют его и по кончине его. С особенной силой и они нападают на человека в час смерти, чтобы возмутить спокойствие души его. «Когда настал час разлучения моего от тела, – сказывала св. Феодора, – увидела я много эфиопов, ставших около одра моего; лица и их были как сажа, глаза как огненные угли. Все они грозно смотрели на меня, скрежетали зубами, готовили и развивали свитки, в которых записаны были худые дела мои. Я отвращала свои глаза, чтобы

не видеть тех страшных лиц, но повсюду видела их, и душа моя была в великом страхе и трепете».

«Господи, Боже мой! – молился св. Иосиф, песнописец, в час смерти своей. – Ты хранил меня во все дни живота моего, и ныне до конца соблюди дух мой и помоги мне избегнуть князя тьмы и воздушных страшилищ, да не когда порадуется о мне враг мой».

Так мрачно нравственное состояние злых духов и так пагубны и злы их действия на человека! Некоторые из этих действий и средств для этих действий представляются ничтожными, даже смешными, и как бы не соответствующими природе бесплотных духов. Но здесь важна цель, с которой употребляются эти средства и действия, а не самые средства и действия. Вселукавый, лживый, скверный дух доволен бывает, если его ничтожные, с виду, и смешные средства и действия достигают своей злой и скверной цели – соблазнить святого подвижника, осмеять его, унижить, посмеяться над его святыми подвигами и вовлечь его во грех. Пакостник плоти может творить все пакости для оболыщения благочестивых людей.

Мрачное и пагубное нравственное состояние злых духов становится тем еще безотраднее, что они не могут выйти из него, не могут принести покаяния. Однажды бес в образе человека-грешника пришел к св. Антонию Великому и, сравнивая себя со злым духом, спрашивал, может ли Бог принять покаяние от бесов, если бы кто из них покался. Святой Антоний стал на молитву и просил у Господа разрешения этого вопроса. Ангел, посланный от Бога, открыл ему, что древнее зло не может быть новым добром, – что бывший начальник зла не может начать добрые дела, – приобретя навык гордости не может смириться в покаянии и обрести милость от Бога. А чтобы Антоний сам убедился в том, Ангел повелел ему заставить беса выполнить следующее: чтобы бес в течение трех лет на одном месте день и ночь взывал: «Боже, помилуй мя, древнюю злобу! Боже, спаси мя, помраченную прелесть! Боже, помилуй мя, мерзость запустения!» На другой день, когда бес пришел, преподобный предложил ему эти условия. «Нет, старче, – отвечал бес, – как мне назвать себя древним злом, когда я теперь так славен и столько народу повинуетя мне? Как мне назвать себя мерзостью запустения и помраченную прелестью, когда все грешники любят меня и творят то, что мне угодно? Нет, да не будет того, чтобы чрез покаяние сделаться мне непотребным и смиренным и из великой чести принять себе такое бесчестие». Так, сам злой дух засвидетельствовал, что покаяние для злых духов невозможно, и это зависит не от Бога, но от их свободы, направленной к одному злу, и от чрезмерной гордости, исключаяющей всякое смирение.

Григорий (Дьяченко), священник. Духовный мир. – М., 2006.

О диаволе и демонах

Диавол – существо, которое Бог создал благим, добрым, светоносным (греческое слово «Эсфорос» и латинское «Люцифер» означают «светоносец»). В результате противления Богу, Божественной воле и Божественному Промыслу светоносец отпал от Бога. С тех пор, как произошло отпадение светоносца и некоторой части ангелов от Бога, в мире появилось зло. Оно не было создано Богом, но было привнесено свободной волей диавола и демонов.

Часто спрашивают: почему Бог допустил зло? Нет ли хотя бы косвенной вины Бога в том, что зло было привнесено в мир? Ответить на этот вопрос трудно. Церковь предлагает нам учение, которое мы должны принять на веру, но которое человеческий ум не в состоянии осмыслить. Единственное, что можно сказать в объяснение этого учения, – давайте смотреть на себя и судить по себе. Каждый из нас – существо, созданное по образу и подобию Божию. Мы это сознаем, сознаем и то, в чем заключается наше религиозное призвание. И тем не менее нередко оказываемся не на стороне Бога, а на стороне диавола, и делаем свой выбор не в пользу добра, а в пользу зла. Нечто подобное произошло и с самим диаволом: созданный благим и светоносным, он добровольно избрал зло и стал врагом Бога.

Отпав от Бога, диавол и демоны стали носителями зла. Означает ли это, что связь между ними и Богом прервалась? Нет. Между Богом и диаволом сохранились личные взаимоотношения, которые продолжаются и сейчас. Мы можем это видеть по начальным страницам Книги Иова, где говорится о том, что диавол предстал перед Богом вместе с ангелами, в числе других «сынов Божиих», и Господь сказал ему: «Обратил ли ты внимание твое на раба Моего Иова?» (Иов. 1, 8). Если можно так выразиться, этим вопросом Бог провоцирует диавола на некие действия по отношению к Иову. И сатана говорит: «Да, действительно Иов праведен, верен Тебе, но это потому, что Ты создал для него такие условия; измени эти условия, и он падет, как падают прочие люди». На это Господь ответил ему, что отдает ему тело Иова, но запрещает касаться его души. Одни понимают это повествование как притчу, другие – как реальную историю, но суть дела в том, что, согласно Библии, диавол, во-первых, находится в зависимости от Бога и не свободен в своих действиях, во-вторых, он действует только в тех границах, в которых Бог это ему позволяет.

Каким должно быть отношение христианина к диаволу? Сегодня мы наблюдаем две крайности. С одной стороны, среди современных христиан немало тех, кто вообще не верит в реальность диавола, не верит в его способность влиять на их жизнь. Некоторые думают, что диавол – это мифическое существо, в котором персонифицировано мировое зло. С другой стороны, есть немало людей, которые придают диаволу преувеличенное значение, которые убеждены, что диавол влияет на все стороны жизни человека, и всюду видят его присутствие. Такие верующие постоянно боятся, что диавольские силы так или иначе на них подействуют.

На этой почве существует множество суеверий, от которых не свободны и люди церковные. Придумано множество «народных средств», которые препятствовали бы сатане проникнуть в человека. Например, некоторые люди, зевая, крестят рот, чтобы через него не вошел диавол. Иные успевают за один зевок перекрестить рот трижды. Мне приходилось слышать разговоры о том, что на правом плече у нас сидит Ангел, а на левом – бес: осеняя себя крестным знаменем, мы крестимся справа налево, перебрасывая Ангела с правого плеча на левое, дабы он вступил в борьбу с бесом и победил его (соответственно, католики, которые крестятся слева направо, перекидывают беса на Ангела). Кому-то это может показаться смешным и нелепым, но ведь есть люди, которые в это верят. И, к сожалению, это не анекдоты, а реальные разговоры, которые можно слышать в некоторых монастырях, духовных семинариях, приходах. Люди, которые так мыслят, живут в уверенности, что вся жизнь пронизана диавольским присутствием. Я слышал однажды, как иеромонах, выпуск-

ник духовной академии, учил верующих: когда вы встаете утром, то, прежде чем засунуть ноги в тапочки, перекрестите тапочки, потому что в каждом из них сидит бес. При таком отношении, вся жизнь превращается в пытку, потому что вся она пронизана страхом, постоянным опасением, что человека «испортят», сплзят, что на него наведут нечистую силу и т. д. С христианским отношением к диаволу все это ничего общего не имеет.

Чтобы понять, каким должно быть истинно христианское отношение к диаволу, мы должны обратиться, во-первых, к нашему богослужению, к таинствам, и, во-вторых – к учению святых отцов. Таинство Крещения начинается с заклинаний, обращенных к диаволу: смысл этих заклинаний – в том, чтобы изгнать диавола, гнездящегося в сердце человека. Затем новокрещаемый вместе со священником и восприемниками обращается к западу. Священник спрашивает: «Отрекаешься ли ты от сатаны, и всех дел его, и всего воинства его, и всей гордыни его?», Тот отвечает трижды: «Отрекаюсь». Священник говорит: «Дунь и плюнь на него». Это символ, в котором содержится очень глубокий смысл. «Дунь и плюнь на него» значит «относись к диаволу с презрением, не обращай на него внимания, он не заслуживает ничего большего».

В святоотеческой, в частности, монашеской, литературе отношение к диаволу и демонам характеризуется спокойным бесстрашием – иногда даже с оттенком юмора. Можно вспомнить историю о святом Иоанне Новгородском, который оседлал беса и заставил его свозить его в Иерусалим. Вспоминается и история из жизни Антония Великого. К нему пришли путники, которые долго шли через пустыню, и по дороге от жажды у них умер осел. Они приходят к Антонию, а он им говорит: «Что ж вы осла-то не уберегли?» Они с удивлением спрашивают: «Авва, откуда ты знаешь?», – на что тот спокойно отвечает: «Мне бесы рассказали». Во всех этих историях отражено подлинно христианское отношение к диаволу: с одной стороны, мы признаем, что диавол – это реальное существо, носитель зла, но, с другой, мы понимаем, что диавол действует лишь в рамках, установленных Богом, и никогда не сможет эти рамки преступить; более того, человек может взять диавола под контроль и управлять им.

В молитвах Церкви, в богослужебных текстах и в творениях святых отцов подчеркивается, что сила диавола иллюзорна. В арсенале диавола есть, конечно, разнообразные средства и способы, с помощью которых он может влиять на человека, у него есть огромный опыт всякого рода действий, направленных во вред человеку, но применить его он может лишь в том случае, если человек ему это позволит. Важно помнить, что диавол не может ничего нам сделать, если мы сами не откроем ему вход – дверь, форточку или хотя бы щель, через которую он проникнет.

Приведу в пример случай, который произошел лет десять назад. Ко мне обратилась немолодая женщина, учительница литературы. В какой-то газете она прочла, что с помощью иголки, листа бумаги и особых заклинаний можно вызывать духов умерших и беседовать с ними. Она решила вызвать дух Чехова. И, представьте, «Чехов» ей явился. Поначалу все было очень занятно, она даже приглашала гостей и устраивала у себя в квартире «литературные вечера». Но потом «Чехов» начал появляться уже без приглашения, портить мебель, бить посуду; возвращаясь домой, женщина обнаруживала, что все перевернуто вверх дном, обои порваны и т. д. Вся семья была в панике. Муж и дети боялись возвращаться в свою квартиру. Жизнь превратилась в ад, они были на грани самоубийства. К счастью, женщина вовремя поняла, что сама впустила в свою квартиру нечистого духа и теперь не может от него избавиться. Вся семья пришла в церковь. Первое, что я сказал им: «Вы должны перестать бояться». Приехав к ним, я освятил квартиру, потом они исповедовались и причастились. «Чехова» как ветром сдуло.

Это один из примеров, подтверждающих, что, если человек открывает вход диаволу через какие-то действия вроде магии, колдовства, лечения у экстрасенсов, либо через нарко-

манию, алкоголизм и другие формы зависимости, через тяжкие грехи, которые он совершает сознательно, человек оказывается подвержен влиянию темных сил. Если же он твердо стоит на страже своего ума и сердца, своей нравственности, если ходит в церковь, исповедуется и причащается, носит святой крест, то ему не страшны никакие бесовские страхования.

Диавол прекрасно сознает свою немощь и бессилие. Он понимает, что реальной власти воздействовать на людей у него нет. Именно поэтому он старается склонить их к сотрудничеству, к содействию. Найдя в человеке слабое место, он пытается тем или иным способом на него воздействовать, и нередко ему это удается. Прежде всего диавол хочет, чтобы мы боялись его, думая, что он обладает реальной властью. И если человек попадает на эту удочку, он становится уязвимым и подверженным «демонским стреляниям», то есть тем стрелам, которые диавол и демоны пускают в душу человека.

Приведу еще один пример. Пришла как-то ко мне женщина с дочкой, девочкой лет восьми. Девочке постоянно являлись какие-то бесовские существа, пугали ее, она видела их и днем и ночью. Девочка исповедовалась и причащалась, ничего не менялось. А началось все с того, что в каком-то монастыре они купили книжку про диавола. В этой книжке было сказано, что если диавол на какого-то человека напал, то уже не отстанет никогда, и средств избавления от него нет никаких, разве что «отчитывание», но и оно не всегда помогает. Они, конечно, от всего переживаемого были в шоке. Я побеседовал с девочкой, спросил ее: «Ты боишься их?» – «Боюсь». – «А ты можешь в следующий раз, как только они тебе явятся, сказать им: «Я вас не боюсь, я на вас не обращаю внимание, у меня своя жизнь, у вас своя, убийтесь вон». И живи так, как будто их вовсе не существует». Примерно через неделю мать с дочкой снова пришли и говорят: «Они исчезли». Значит, единственное средство, которым в данном случае обладал сатана, был страх. Он хотел, запугав ребенка, сделать его своей жертвой.

Приходится сожалеть о том, что книжки и брошюры, в которых роль диавола всячески преувеличивается, издаются и продаются в церковных лавках. Происходит это от невежества, от духовной нечуткости, от незнания учения святых отцов. Православное учение о диаволе выражено преподобным Иоанном Дамаскиным в тридцати строках. А наши доморощенные богословы пишут книжку за книжкой о диаволе и демонах, запугивают народ Божий, портят людям жизнь.

Вход диаволу в душу человека открывают, как я уже сказал, магия, чародейство, лечение у экстрасенсов и колдунов. Я не утверждаю, что все экстрасенсы и так называемые «народные целители» действуют исключительно под влиянием демонических сил. Но в подавляющем большинстве это люди, в чьих руках концентрируются силы и энергии, природе которых они сами не знают. Нередко, исцеляя одно, они повреждают другое. Были случаи, когда человек избавлялся с их помощью от головных болей, но при этом делался психически больным. И самое ужасное, что эти «целители» делают человека зависимым от себя, а всякая форма зависимости – это та самая дверь, через которую может проникнуть диавол. Наркотическая, алкогольная, сексуальная, психическая и иные формы зависимости представляют огромную духовную опасность. Христиане должны всячески заботиться о том, чтобы ни от чего в этой жизни не быть в зависимости, чтобы духовно и телесно быть максимально свободными. Человек, который контролирует свой рассудок, свое сердце, свои поступки, всегда может противостоять сатане. Тот же, кто оказывается рабом какой-либо страсти или порока, становится неспособным отразить натиск диавола.

Вы можете спросить: насколько диавол вообще способен воздействовать на нашу мысль? Насколько он вообще знает, что происходит в наших мыслях и в нашем сердце? Насколько он компетентен в вопросах духовной жизни? У меня сложилось убеждение – отчасти под влиянием того, что я читал у святых отцов, отчасти на основе личных наблюдений, – что у диавола нет прямого знания о наших внутренних процессах. В то же время, будучи

весьма опытным, – он ведь в течение истории имел дело с миллиардами людей и с каждым «работал» индивидуально, – он использует эти свои навыки и по внешним признакам распознает, что происходит у человека внутри. И ищет наиболее уязвимые места. Скажем, когда человек пребывает в унынии, дьяволу очень легко воздействовать на него. Но единственное, на что дьявол способен, – это подбросить человеку какой-либо греховный помысел, например, мысль о самоубийстве. И делает он это не потому, что ему открыт внутренний мир человека, его сердце, но лишь ориентируясь на внешние признаки. Внушив человеку какие-то помыслы, дьявол не способен проконтролировать, что произойдет с ними дальше. И если человек умеет различать, какая мысль пришла от Бога, какая от его собственного человеческого естества, а какая от дьявола, и отвергать греховные мысли при самом их появлении, дьявол ничего сделать не сможет. Дьявол становится сильнее по мере того, как греховный или страстный помысел проникает в человеческий ум.

У святых отцов есть учение о постепенном и поэтапном проникновении греховного помысла в душу человека. С этим учением вы можете познакомиться, прочитав «Добротолюбие» или «Лестницу» святого Иоанна Синайского. Суть этого учения в том, что греховный или страстный помысел поначалу появляется лишь где-то на горизонте человеческого ума. И если человек, как говорят отцы Церкви, «стоит на страже своего ума», он может отвергнуть этот помысел, «дунуть и плюнуть» на него, и он исчезнет. Если же человек заинтересуется помыслом, начнет рассматривать его, беседовать с ним, он завоевывает в уме человека все новые и новые территории – до тех пор, пока не охватит все его естество, – душу, сердце, тело, – и не подвигнет на совершение греха.

Путь дьяволу и демонам к душе и сердцу человека открывают различного рода суеверия. Хотел бы подчеркнуть: вера прямо противоположна суеверию. С суевериями Церковь всегда вела жесткую борьбу – именно потому, что суеверие – суррогат, подмена истинной веры. Истинно верующий человек сознает, что есть Бог, но есть и темные силы; он разумно и сознательно строит свою жизнь, ничего не боится, возлагая всю надежду на Бога. Суеверный человек – по слабости, или по глупости, или под влиянием каких-либо людей или обстоятельств – подменяет веру набором верований, примет, страхов, из которых складывается какая-то мозаика, которую он и принимает за религиозную веру. Нам, христианам, надлежит всячески гнушаться суевериями. Нужно относиться ко всякому суеверию с тем презрением, с каким мы относимся к дьяволу: «Дунь и плюнь на него».

Вход дьяволу в душу человека открывается и через грехи. Конечно, мы все грешим. Но грех греху рознь. Есть человеческие слабости, с которыми мы боремся, – то, что мы называем мелкими грехами и пытаемся преодолеть. Но есть грехи, которые, даже совершенные один раз, открывают ту дверь, через которую дьявол проникает в ум человека. К этому может привести любое сознательное нарушение нравственных норм христианства. Если человек систематически нарушает, например, нормы супружеской жизни, он теряет духовную бдительность, теряет трезвение, целомудрие, то есть целостную мудрость, которая защищает его от нападений дьявола.

Опасна, кроме того, всякая раздвоенность. Когда человек, подобно Иуде, начинает, помимо основной ценности, составляющей религиозную сердцевину жизни, прилепляться к другим ценностям, и его совесть, его ум и сердце раздваиваются, человек становится весьма уязвимым для действия дьявола.

Иларион (Алфеев), епископ. www.hilarion.ru.

Ограничение власти злых духов

Как ни велико владычество злых духов и как ни сильно их могущество, и как ни многообразны злые их действия на человека, однако сила и власть их так ограничены крестною смертью Господа нашего Иисуса Христа, что святые угодники Христовы, равно как и все благочестивые христиане, не только могут противиться внушениям злых духов, но и побеждать их. Добродетели христианские, особенно соединенные с призыванием имени Иисуса Христа и крестным знаменем, суть стрелы, уязвляющие дьявола, посрамляющие и отгоняющие его. «Верьте мне, – говорит св. Антоний, – трепещет сатана бодрствования христиан, молитв и постов их, кротости, произвольной нищеты, смирения, и особенно чистого сердца в Христовой любви». «О, Макарие, – говорил бес Макарию Египетскому, – много скорблю я, что не могу одолеть тебя. Все делаю, что и ты: постишься ты – и я ничего не ем; бодрствуешь ты – и я никогда не сплю. Одним ты одолеваешь меня – это смирением; против него я не могу устоять». Привели однажды к преп. Антонию юношу, одержимого нечистым духом из чина начальников, князей тьмы. Антоний послал его к св. Павлу Препростому. Этот сказал бесу: «Отец Антоний велит тебе, дьяволе, выйти». Дьявол не выходил. «Или ты выходи, – говорил святой, – или я пойду и скажу Христу, и будет тебе беда». Бес не выходил. Тогда св. Павел встал на камне и взывал: «Иисусе Христе, распятый при Понтийском Пилате! Я не сойду с сего камня до тех пор, пока не услышишь Ты меня, не вкушу хлеба и воды до того времени, пока не изгонишь беса из сего юноши». Бес вышел. Итак, замечено в житии св. Павла, малых бесов изгоняют люди, сильные в вере, а начальных бесовских князей побеждают смиренные. О преподобном Феодосии Печерском замечено, что он имел такую власть над злыми духами, что они не смели приступить к тому месту, где он молился. Св. Потит сказал бесу, находившемуся в одной девице: «Господь мой Иисус Христос, Сын Бога живого, запрещает тебе, нечистый душе, и повелевает выйти из сего создания и не входить в него более никогда». Бес вышел и исчез. Имя Иисуса Христа, не только произносимое устами св. угодников, но и написанное ими в письме, имело силу изгонять бесов. Св. евангелист Иоанн Богослов послал с учеником своим Прохором письмо одержимому злым духом. В письме было написано: «Иоанн, апостол Иисуса Христа Сына Божия, пытливого духу повелеваю: от имени Отца, и Сына, и Святого Духа изыди от создания Божия и не входи в него никогда, но будь вне острова, в местах безводных, а не в людях». Когда Прохор пришел с этим письмом, бес вышел из человека. Св. угодники, вооруженные именем Господа Иисуса Христа и именем Пресвятой Троицы, имели даже господственную власть над бесами и иногда употребляли для посрамления бесов те же средства, какие бесы употребляли для их обольщения. Преп. Феодор Печерский однажды молот жито и пел в то же время псалмы из псалтири, и, удивившись, перестал молотить. Тогда загремел гром, сверкнула молния, и жернова опять стали молотить. Познав бесовское действо, преподобный запрещал бесу именем Божиим делать это. Бес не слушался. Тогда Феодор именем Отца и Сына и Св. Духа повелел бесу не переставать молотить до тех пор, пока он не измелет все жито. Бес повиновался и измолот.

В другой раз бесы сбрасывали с горы приносимые братией от Днепра деревья, нужные для построения келий. Преп. Феодор именем Господа Иисуса Христа заставил самих бесов в одну ночь перенести все деревья с берега реки на гору на то место, на котором надлежало строить кельи. Бесы во время жизни Иисуса Христа молили Его о дозволении войти им в стадо свиное, и вошли в свиней. Ничего удивительного, следовательно, нет, если св. Иоанн мог связать беса в рукомыльнике, чтобы он не выходил оттуда на некоторое время. Бес вошел в рукомыльник для обольщения св. угодника, а св. угодник избрал то же орудие для его посрамления. Св. Иоанн Новгородский связал беса, поместившегося в рукомыльнике, и не велел ему

выходить оттуда на долгое время. Св. Василий Великий принудил дьявола отдать назад расписку отрока, в которой он отрекался от Христа и навсегда предавался дьяволу.

Григорий (Дьяченко), священник. Духовный мир. М., 2006.

О смертоносном бытии диавола Слово в Неделю 28-ю по Пятидесятнице о. Иоанна (Крестьянкина)

Дорогие мои, друзья наши! Сегодняшнее воскресное евангельское чтение особенно дает нам повод говорить о бытии диавола, о разрушающей, смертоносной деятельности его. И жизнь наша теперешняя действительно требует, чтобы мы все очень внимательно отнеслись к этой теме. Ибо незнание наше, или стыдливое замалчивание, или даже и отрицание бытия этой страшной силы делает нас перед ней совершенно безоружными, и она может вести нас, как овец на заклание, в погибель. Ведь мы порой, и даже часто, перестаем понимать, где свет, где тьма, где жизнь, а где смерть.

И самой большой победой этой силы, без сомнения, надо признать то, что многим поколениям людей она внушила, будто ее совсем нет. Но до некоторого времени, пока духовное зрение людей еще не было совершенно помрачено, диавол действовал осторожно – силой внушения. Теперь же, в наше время, когда наша беспечность и духовный сон обнажили нас от покрова Божией благодати, от силы духа, диавол встает перед нами во всем своем злобном облики, он выступает как живая, осязаемая, действенная сила, и сила лютая.

Господь в свое время возвестил всем, живущим на земле и верующим слову Его, предостерегающее и должное настораживать и призывать к особенной бдительности слово Свое. «...Я видел сатану, спавшего с неба, как молнию...» (Лк. 10, 18).

А в другом месте Писания говорится, что не нашлось ему места на небе, и в страшной ярости сошел он на землю, чтобы ходить по ней, обитать на ней и рыкать, аки лев, ища, кого поглотить⁹. И стал он, губитель-диавол, «князем мира сего», а вместе с ним водворились и властвуют на земле бесчисленные полчища его клеветов. И с тех пор местом обитания их стала глубокая бездна, которая отделяет Церковь воинствующую от Церкви Торжествующей.

А самый первый и горький опыт его коварной власти на себе понесли наши праотцы Адам и Ева, ибо его стараниями они познали сладость греха и вкусили горечь смерти. А он с тех далеких времен без усталости делает свое дело. И главной его задачей на все времена была, есть и будет борьба с Богом за души людей, где место битвы – сердца человеческие. Все совершается там: там уместится и бездна ада, и там – искра веры, сохраненная Богом от глительного дыхания вражия, родит пламень Божественной любви – ходатая вечной радости.

И нам с вами, дорогие мои, надо пристально всматриваться во все происходящие вокруг нас и лично с нами события. Надо знать свое сердце, ибо невнимание и незнание не оправдают нас в день Страшного Суда, который неотвратимо приближается к земле.

«...Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его...» – скажет Сын Человеческий тем, кто не знал, кто не хотел знать (Мф. 25, 41).

А примеров одержимости и насилия над людьми бесовской силы много в Писании: это и сегодняшний евангельский образ женщины, восемнадцать лет согбенной (связанной) от диавола; это и двое одержимых, живших во гробах (в могильных склепах), разрывавших страшной бесовской силой кованые цепи, коими пытались их связать, совершенно не управляемых разумной силой; это и бесноватый, которого бес, желая погубить, бросал то в огонь, то в воду; и многие другие примеры¹⁰.

И никогда Господь, исцеляя бесноватых, не называл беснование естественной болезнью. Он прямо признавал виновниками ее бесов и изгонял их.

Но эти примеры по жестокосердию нашему и недомыслию не трогают нашего сердца, когда мы читаем или слышим о них.

Ведь это было когда-то и где-то, а многие даже имеют дерзость в глубине сердца усомниться в примере чужой жизни, а некоторые идут и еще дальше, неверием отвергая слова Божественного Писания.

Но теперь нам с вами уже не отдаленные примеры, а наша собственная жизнь дает почувствовать насилие, тиранию над нами и самого диавола, и сынов противления, то есть людей, которые стали исполнителями злой воли диавола на земле.

Вслушайтесь внимательно, дорогие мои, в слова святого пророка Божия Исаии, вслушайтесь и вдумайтесь в откровение этого ветхозаветного богослова. Не о нас ли, не о нашем ли времени говорит пророк, живший за 759 лет до Рождества Христова?

«Земля опустошена вконец и совершенно разграблена... Сетует, уныла земля; поникла, уныла вселенная; поникли возвышавшиеся над народом земли. И земля осквернена под живущими на ней, ибо они преступили законы, изменили устав, нарушили вечный завет. За то проклятие поедает землю и несут наказание живущие на ней; за то сожжены обитатели земли, и немного осталось людей... злодеи злодействуют, и злодействуют злодеи злодейски... Земля сокрушается, земля распадается, земля сильно потрясена; шатается земля, как пьяный, и качается... и беззаконие ее тяготеет на ней; она упадет и уже не встанет» (Ис. 24, 3–6; 16, 19–20).

Да эти слова – о нас! Это мы преступили закон Божий! Это мы нарушили Его завет! Это мы забыли Бога! И наша матушка-кормилица земля уже рождает одни терния и волчцы от злобы живущих на ней. И небо, когда-то дарившее людям светлый дождь жизни и плодородную росу, сеет на наши головы химическую отравляющую влагу, и ветер Чернобыля обжигает мир своим смертоносным дыханием. И разгул зла, лукавства и вражды идет по земле. И нет молитвы, чтобы залить этот пожар зла, нет духовной силы, чтобы предотвратить грядущую гибель.

Неужели все это сотворил человек?!

Нет, дорогие мои, возможности человека ограничены, и срок жизни его – семьдесят, от силы восемьдесят лет. Иногда он не успевает даже и осознать своего назначения на земле, как уже сходит в могилу. Нет у него ни времени, ни могущества, ни воображения посеять столько бед и зла, чтобы хватило на все человечество.

Все то малое зло, которое успеваем натворить мы, грешные люди, приводит в совокупность великий дирижер – сатана, тот, кто сеет в нас малое. Он сеет малое и выращивает малое в большое. И это называется «тайной беззакония». И тайна беззакония восходит от силы в силу именно потому, что вконец ослабело наше сопротивление ей, оскудело наше понятие о ней.

Мы в своем обольщении забываем Бога, забываем небо, забываем вечность. На этой почве полного погружения людей в плотскую жизнь разрастается всепоглощающий разврат.

Младенцы, зачатые в беззаконии, появляются в мир больными, от рождения одержимыми духом злобы, часто они лукавством превосходят взрослых. Отроки, не зная детского простодушия, играют во взрослых, в одуряющих химических веществах они ищут особых видений и ощущений, зачастую находя в них смерть. Юноши и девушки, не зная самого понятия невинности и чистоты, погружаются в болото такой грязи, о которой помыслить страшно и срамно глаголати. Наркотический угар для многих становится единственно реальной жизнью. А грохот бесовского шума, ворвавшийся в дома наши с телевизионных экранов, оглушил, одурил всех от малого до большого, вовлек всех в водоворот адского кружения, поработив души насилием.

И мы, не задумываясь, а значит, добровольно, впускаем в дома свои телевизионных колдунов всякого рода и учимся у них, как быстрее и надежнее безвозвратно погубить душу. Цепи, скованные из тьмы предательства, измен, стихийной гордости, лжи и самомнения, все крепче опутывают наши сердца, связывают наш ум, наши руки, все наше существо. И мы

становимся не способными ни к чему доброму. И светлый Ангел-Хранитель стоит поодаль, оплакивая сердца наши, ставшие игрищем бесов. Нормой жизни становится – ходи по трупам задавленных тобою, рви кусок из чужого рта и плюй на всяческие заветы. А тот враг, что посеял страшные плевелы злобы и гордыню лжеименного разума, он – человекоубийца искони, лжец и отец лжи – любит плоды дел своих. Он преуспел. Он одолел людей. И Бог теперь не столько отрицаем, сколько вытесняем из сердца человека различными пристрастиями и житейскими попечениями. Бог просто забыт.

«Даждь Ми, сыне, твое сердце...» – просит, зовет Господь (Прит. 23, 26). Да где оно, наше сердце?! И есть ли еще оно?.. Если и есть, то нет в нем уголка – местечка для Бога, для света и тишины, для мира и любви. И страшно нам, что свет Божий откроет для нас самих страшный хлам нашего сердца. И мы опять гоним Бога и бежим от всего, что может обнаружить наше истинное лицо.

Да это опять и не мы, дорогие мои, а все тот же человекоубийца, увлекающий нас все дальше и дальше к отпадению от спасения, уготованного людям Сыном Божиим. Враг сам уже вошел в наше сердце и овладел им.

Но не мог он этого сделать без нашего согласия. Ведь Премудрость Божия так сотворила человека, что без него самого или против его воли ни спасти, ни погубить человека нельзя. И мы сами, отвергая Бога неверием, или, веруя в Бога, но отвергая заповеданные Им дела, отвергаем свое спасение. И, не принимая темную, безвидную, страшную силу диавольскую, но делая дела тьмы, мы сами отдаем себя в ее руки, мы сами готовим себе бездну ада.

Так знайте же, дорогие мои, что диавол не иначе проникает в нас, как овладев нашим умом, нашими помышлениями. У одних он похищает из ума и сердца веру, в других его смрадное дыхание испепеляет страх Божий, третьих, поразив тщеславием, он ведет в плен многих страстей, ибо тщеславие и гордыня рожают такие пороки в нас, что открывают врата души всем бесам. И человек не замечает, как становится одержимым.

Нам надо твердо помнить, что основной отличительной чертой диавольской брани является приспособляемость, что брань с нами злые духи ведут непрестанно, и разнообразию ее нет числа.

Главное же – надо непременно знать, что подход их к нам незаметен и действие постепенно. Начав с малого, злые духи постепенно приобретают великое влияние на нас. Бесовская хитрость и лукавство, как правило, услужливо идут навстречу нашим же желаниям и стремлениям, даже доброе и невинное они способны превратить в оружие свое.

Вот теперь много молодежи ринулось в Церковь, кто уже состарившись в скверне греха, кто – отчаявшись разобраться в превратностях жизни и разочаровавшись в ее приманках, а кто – задумавшись о смысле бытия. Люди делают страшный рывок из объятий сатанинских, люди тянутся к Богу.

И Бог открывает им Свои отеческие объятия. Как было бы хорошо, если бы они по-детски смогли припасть ко всему, что дает Господь в Церкви Своим чадам, начали бы учиться в Церкви заново мыслить, заново чувствовать, заново жить.

Но нет! Великий «ухажер» – диавол на самом пороге Церкви похищает у большинства из них смиренное сознание того, кто он и зачем сюда пришел. И человек не входит, а «вваливается» в Церковь со всем тем, что есть и было в нем от прожитой жизни, и в таком состоянии сразу начинает судить и рядить, что в Церкви правильно, а что и изменить пора.

Он «уже знает, что такое благодать и как она выглядит», еще не начав быть православным христианином, он становится судьей и учителем. Так снова Господь изгоняется им из своего сердца. И где? Прямо в Церкви.

А человек этого уже и не почувствует, ведь он находится в Церкви, ведь он пролистал уже все книги, и ему уже пора и священный сан принимать, а ей уже пора одеваться в монашеские одежды.

Но, дорогие мои, они примут и священный сан, они примут и монашество, но все это уже без Бога, водимые той же силой, что вела их в жизни до прихода в Церковь и что так ловко обманула их и теперь. А дальше жди и других исключительных, возможных только на почве искаженной веры явлений.

Без труда, без борьбы и без крестных страданий воспринятое – без жизни, христианство только по имени, а значит и без Бога, и явит различные обольщения в видениях и откровениях.

Диавол будет руководить своей жертвой внутренними голосами, а у кого-то заполнит ум, пленит сердце хульными образами и словами. И горе, если человек – невежда в вере, если снова не ринется он за помощью к Богу, готовому помочь даже и изменнику.

И надо нам с вами всем помнить, что в душе светлой и чистой даже одна какая-нибудь брошенная от диавола мысль тотчас произведет смущение, тяжесть и сердечную боль, в душе же, омраченной грехом, еще темной и оскверненной, даже само присутствие вражье будет неприметно. И этой неприметности помогает сам дух злобы, ибо она ему выгодна. Он, тирански властвуя над грешником, старается держать его в обольщении, убеждая, что человек действует сам собой, или внушая, будто Ангел, светлый образ которого принял лукавый, уже почтил жизнь этого человека своим явлением.

Обольщенный, как мотылек, летит на призрачный свет бесовского видения или откровения, которое смертельно опалит его душу. Он желал чуда, искал откровения, и оно явилось. А у человека даже и мысли не возникает о своей во грехе прожитой жизни, которая уже стеной стала между ним и Богом. Сколько еще надо трудиться, чтобы эту стену разбить, чтобы увидеть свет истины!..

Трудно обмануть истинно верующих. Смирение и страх Божий предостерегут, а Дух Святой, охраняющий их, откроет им правду и наставит на всякую истину. Да и знают они со слов Самого Спасителя Христа, что должно прийти соблазнам, и остерегаются их.

Из житий отцов-подвижников известно, что они узнавали беса, являвшегося им даже в образе Христа. Духовная же слепота едва ли не большинства современных людей, хоть и именующих себя христианами, увлекает их все умножающимися бесовскими соблазнами.

Уже теперь мы слышим и читаем в периодической печати о всяких явлениях-знамениях то на небе, то на земле: о светящихся летающих объектах, о «добренских» инопланетянах, о «барабашках», которые вторгаются в жизнь наших современников, навязывая им определенные нормы жизни и поведения уже не в помыслах, но зримо, делом, творя мнимые чудеса, приучая соблазнившихся полному послушанию себе. Есть даже случаи самоубийств, совершенных по внушению этих «опекунов». И никого не смущает такой их наплыв, ни у кого не возникает мысль: а откуда же они, почему пришли и где были раньше? Но даже если бы кто-то все эти явления в той же печати назвал своим именем, сказал, что это разгулявшиеся, разыгравшиеся с омраченным, обезбоженным миром бесы, у читателей все равно не было бы уже способности осмыслить и понять, что же несут в себе эти явления и игры. А новые, открывшиеся в последнее время способности целительства духовным прозрением, ясновидением и прозорливостью у многих, очень многих людей всякого возраста, с разным образованием? От юноши, с грехом пополам осваивающего школьную программу, до преподавателя вуза, от тетушки-домохозяйки до дамы, образованной во всех отношениях.

Поразительно, что большинство из них, не обремененные никакими знаниями в области медицины, воспринимают открытие как дар неба.

Дар-то дар! Но от кого и зачем, что может принести он «врачу» и больному? «Врачу» он принесет бесовскую гордыню, а доверившемуся ему пациенту – нарушение всех душевных и духовных сил – одержимость.

Но это будет потом. А пока все хотят быть здоровыми любой ценой. И это снова – богоборчество.

Христианин истинный, а не по имени только и моде, непременно вспомнит в связи со всеми этими явлениями, как поступили святые апостолы, встретив девицу, имеющую духа прорицательного и доставляющую тем доход своим господам (Деян. 16, 16–18). Вспомнят верующие и отбегут от духа лестна, а остальные и сами погрузятся в губительный обман, и повлекут за собой многих.

Все это, дорогие мои, – знамение времени. Все это значит, что христианство, как дух, неприметным образом для суетящейся, служащей миру толпы удаляется из среды человеческой, оставляя мир на окончательное падение.

И у всех живущих на земле возникает в наше время предощущение грядущей катастрофы, но человечество, томимое тяжелым предчувствием, не хочет остановиться, задуматься, понять, что же с ним происходит. Дьявольские силы поработили ум и сердце живущих грехом, который согнул и исказил человека настолько, что он перестал видеть Бога, он уже не может выпрямиться, чтобы ум его осиял свет Божественной истины и тьма исчезла.

Так вспомним же, дорогие мои, как одним мановением Спасителя, одним Его словом, словом Божественной любви выпрямилась согбенная, страдавшая от насилия дьявола восемнадцать лет.

Припадем к Спасителю Христу с мольбой и любовью, отрясем узы греха, отбежим соблазнов и обольщений дьявольских. Припадем к Спасителю – именно этим мы сможем противостать дьяволу, и убежит он от нас.

Научимся же понимать и беречь добро души своей, будем сторожить входы в свою душу, научимся видеть себя, тогда мы обнаружим все дела, все козни дьявола внутри и вокруг нас. Так помолимся, чтобы дал нам Господь бодрый ум, трезвую совесть, открыл духовное зрение. И главное, никогда не будем забывать об исконном враге, воюющем на род человеческий.

И, помня, что сила борителя крепка, а наша сила немощна, смиренно припадем несомненной верой к Тому, Чья сила сильнее всякой другой.

Господи, имя Тебе – Сила, подкрепи же нас всех, изнемогающих и падающих. Аминь.

Иоанн (Крестьянкин), архимандрит

Глава 3

Тайные недуги души

Зло в мире

Тема о зле в человеке

Зло существует во всем мире – страдания, жестокая борьба, смерть – все это царит в мире, но только в человеке мы находим устремление к злу, как таковому. Это устремление постепенно доходит до идеи зла, – и среди людей мы нередко находим потребность к совершению зла. Это, конечно, есть некая болезнь духа, но она настолько связана с самой природой человека, настолько она повсеместна и захватывает все эпохи в истории, все возрасты людей, что встает вопрос, почему человек жаждет творить зло, ищет того, чтобы расстраивать чужую жизнь, прибегает к насилию, к уничтожению других людей?

Вопрос этот болезненно ущемляет и наше религиозное сознание. Почему Бог, источник жизни и всякого блага, допускает страшное развитие зла, терпит те ужасы, которые от убийства Авеля Каином до наших дней наполняют смятением нашу душу? Где причина непостижимого развития именно у людей жажды зла, – чего мы не находим в до-человеческой природе? Борьба за существование, беспощадная и жестокая, идет, правда, в до-человеческой природе, но здесь она является только борьбой за само существование, а не определяется никаким инстинктом разрушения или жаждой зла. Только человек может испытывать наслаждение от самого разрушения, переживать странную потребность сеять страдания. Именно в этой склонности ко злу, в потребности творить зло, человек резко и глубоко отличается от всего до-человеческого мира. При объяснении «загадки» человека мы не можем обойти этого вопроса – тем более, что пока мы не объясним для себя страсти разрушения у человека, мы еще не проникли в тайну человека. С другой стороны, наше религиозное сознание, которое видит в Боге не только Творца вселенной, но и Промыслителя, мучительно переживает то, что с развитием исторической жизни зло не только не ослабевает, но, наоборот, увеличивается, становясь все более утонченным и страшным...

Христианское истолкование зла

Единственное удовлетворительное решение темы о зле дает христианство. Вот основы христианского понимания зла:

а) Зло не существует, как некое особое бытие или сущность; есть злые существа (злые духи, злые люди), но нет зла самого по себе. Суть же зла состоит в разрыве с Богом; этот разрыв есть акт свободы (у Ангелов и у людей).

б) Зло впервые возникло (т. е. появились злые существа) в ангельском мире; один из высших Ангелов (Денница), обладая свободой и той силой, которую Господь дал Ангелам, захотел отделиться от Бога, т. е. начал бунт. За Денницей последовали еще другие ангелы, – так возникло «царство сатаны». До времени Господь попускает их существование.

в) Не имея плоти, т. е. будучи чисто духовными существами, злые ангелы: (сатана и его служители) не могли замутить все бытие, но когда Господь создал человека, имеющего плоть и одаренного, с другой стороны, свободой, перед злыми духами открылась возможность соблазнять людей – и уже через людей внести расстройство в природу. О поврежденности природы вследствие того, что прародители, согрешив, утратили свое царственное положение и мир остался «без хозяина».

г) Господь запретил первым людям вкушать от древа познания добра и зла. Господь не закрыл пути познания вообще, а только закрыл пути «познания добра и зла»; поскольку зло могло состоять лишь в разрыве с Богом, Бог закрыл самый путь для этого. Мысль о разрыве с Богом и не возникла у самих людей, – их соблазнил сатана, предложивший не следовать указаниям Бога, т. е. разорвать с Ним. Свобода, дарованная людям, открывала возможность этого, – и в этом объективная причина, что люди ступили на путь зла

д) Поступив вопреки прямому повелению Господа, люди тем самым нарушили свою сыновнюю связь с Ним, вследствие чего утратили свое царственное положение в мире. Господь предупреждал Адама, что если он «вкусит плод от познания добра и зла», то «смертью умрет» (ст. 17). И действительно, разорвав с Богом, люди утратили свою основу в Боге, и смерть вошла в их природу

е) Этим природа человеческая оторвалась от прямой связи с Богом; как говорит ап. Павел (Рим. 5, 12), «одним человеком грех (т. е. отрыв от Бога) вошел в мир и грехом смерть». Изменилась человеческая природа и ослабела; в ней остались ее дары, образ Божий и дар свободы остались в ней, но природа человека стала «удобопревратна», т. е. она стала подвержена соблазнам. Как говорит ап. Павел (Рим. 7, 15–23): «Не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю... уж не я делаю, но живущий во мне грех. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. По внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божию, но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного».

В этих словах ап. Павла дано яркое описание того, что мы видим у людей; в человеке, кроме образа Божьего, через который всегда струятся лучи свыше, несущие Божью правду нашей душе, т. е. уму и сердцу, совести, – образовался в самой природе человека второй центр его существа – начало греховности. Теперь уже навсегда закрылся перед людьми рай, теперь только «употребляющие усилие восхищаются Царство Божие» (Мф. 11, 12), ибо «невозможно не придти соблазнам», сказал Господь (Лк. 17, 1).

То, что грех вошел в человеческую природу, и в ней образовался центр греховности, есть следствие изменения в человеческой природе от греха прародителей. Это есть «первородный грех»; начало греховности, создающее возможность соблазнов (со стороны сатаны и его служителей) не зависит уже только от нашей воли, так как это начало греховности вошло в нашу природу. Однако от каждого из нас зависит поддаваться или не поддаваться соблазнам. Путь человека и есть борьба за добро, за жизнь в Боге; совокупность всего того труда, который нам приходится нести в этой борьбе, составляет содержание аскетики (что значит «упражнений»).

ж) Грех человека замутил и всю дочеловеческую природу.

Почему допущено зло?

Таково христианское объяснение реальности и силы зла. Но тут нередко у людей возникает вопрос – неужели Бог, который предвидел падение Денницы и грех прародителей, не мог создать Ангелов и людей с такими свойствами, чтобы грех и зло не могли бы возникнуть? И второй вопрос, уже другого порядка, но связанный с темой зла и постоянно смущающий людей: почему Бог терпит такое страшное развитие зла на земле, какое мы наблюдаем сейчас, почему Он не прекращает его?

Что касается первого вопроса, то ответ на него заключается в понятии свободы. Без свободы человек не мог бы быть человеком в полноте и силе его свойств, – он мог бы быть лишь высшим животным, живущим по инстинктам; лишь в свободе раскрывается наша воля, лишь на просторах свободы зреет в духе творчество идей, развиваются художественные, моральные, религиозные движения. Но свобода только тогда и свобода, когда она безгранична – в этом ее богоподобие. Но в тварном существе, каким является человек, дар сво-

боды должен пройти через испытания, чтобы окрепнуть в своей преданности Богу. Именно потому, что человек обладает свободой, он может оторваться от Бога; только пройдя через испытания он может окончательно утвердиться в свободном стоянии перед Богом. Это сочетание безграничной свободы, доходящей до того, что человек дерзает спорить с Богом, бороться с Ним (как в Ветхом Завете Иаков), – и той немощи, ограниченности, бессилия, которые со всех сторон давят на человека, напоминают ему, что он только тварное существо, зависящее от Бога, зависящее и от внешних условий жизни, – это сочетание высокого дара свободы с ограниченностью тварного существа и ведет нас к чувству бесконечной преданности Тому, Кто есть наш Отец небесный.

Бог мог вообще не создавать человека (хотя бесспорно, что весь план творения был связан с тем, чтобы создать человека), но создать его Он мог лишь таким, каков он есть – с неизбежностью испытаний и искушений. Не беседовал ли Господь в раю с прародителями, не наставлял ли Он их во всем? Но когда змей соблазнил; Еву, Адам не обратился к Богу, чтобы получить от Него разъяснение, он лукаво последовал за Евой. План «воспитания» прародителей в раю оборвался благодаря им же, – но в предвидении этого еще до сотворения мира Господь предусмотрел послать Сына Божия для спасения; людей (у ап. Петра читаем в стихе 2 главы 1 – что Сын Божий был «предназначен» быть Агнцем «прежде создания мира»).

Что касается второго вопроса о том, почему Бог терпит такие ужасы на земле, такое страшное распространение зла повсюду, какое мы сейчас наблюдаем, должно сказать, что это вопрос понимания смысла истории и ее путей. В истории, как и в жизни отдельных людей, действует Промысл Божий; Господь долготерпит, ожидая, что несчастья и страдания образуют людей, обратят их сердца к правде и добру.

Оба вопроса составляют тему т. н. «теодицеи» – «оправдания» Бога. Бог, конечно, не нуждается в «оправдании», но чем больше мы любим Бога, как Источник правды и добра, тем важнее нам согласовать это с теми тяжкими и скорбными недоумениями, которые терзают наш ум. Надо только помнить, что в час, какой изберет Господь, придет конец нынешнему миру, кончится вся трагедия человеческой истории, Сын Человеческий придет снова на землю во славе, – и тогда будет, по слову в Апокалипсисе (Откр. 21, 1), «новое небо и новая земля».

Зеньковский В.В., протоиерей. Апологетика. – М., 1991.

Виды злых страстей

*«Смирись гордый человек и прежде всего сломи свою гордость...
Победишь себя, умиришь себя и станешь свободен, как никогда и не
воображал себя и начнешь великое дело и других свободными сделаешь
и узришь счастье, ибо пополнится жизнь твоя...»*

**Ф. М. Достоевский. Выдержка из его Пушкинской речи. «Дневник
Писателя». Август 1880 г.**

Теперь мы ознакомимся ближе со злыми человеческими страстями, с каждой из них в отдельности и постараемся, по возможности, уяснить значение в жизни человека этих истинных его врагов.

Прежде всего нужно сказать, что число злых человеческих страстей весьма велико – гораздо более, чем то, которое мы будем здесь рассматривать. Чтобы изучить все человеческие страсти со всеми их разнообразными оттенками, потребовалось бы отдельное весьма обширное исследование, рамки которого вышли бы далеко за пределы настоящей работы. Поэтому мы коснемся здесь главных человеческих страстей и притом в общих чертах, приняв то разделение страстей, какое мы нашли у Кассияна Римлянина и у других подвижников Добротолубия, а именно будем говорить о чревоугодии, блуде, унынии, печали, гневе, тщеславии, гордости и сребролюбии и о некоторых видах этих страстей. Так, например, говоря о гневе, мы коснемся вспыльчивости, злопамятства, ненависти, злословия и прочих, говоря о тщеславии, мы коснемся честолюбия, сластолюбия, говоря о гордости, мы упомянем и о надменности, говоря о сребролюбии, мы будем рассматривать вопрос о любостязании, вообще.

Из этого перечня читатель может усмотреть, что некоторых злых страстей человеческих мы не коснемся вовсе в настоящем отделе, так, например, страстей физических к наркотикам, спиртным напиткам и т. п. Поэтому мы должны предупредить, что относительно блуда и некоторых других страстей мы ограничимся здесь сообщением интересных афоризмов христианских подвижников, почерпнутых нами из сборника Добротолубия; распространяться об этих страстях более подробно (с точки зрения, например, невропатологии) мы не будем, так как это значительно вышло бы за пределы настоящего труда.

Из числа восьми главных, перечисленных св. Кассияном Римлянином человеческих страстей, чревоугодие и блуд относятся нами к страстям физическим, гнев, печаль и уныние к страстям астральным (эмоциональным), а сребролюбие, тщеславие и гордость к страстям ментальным (рассудочным). Делая такое распределение, мы должны здесь еще раз оговориться, что такие отграничения выражают существо дела лишь приблизительно, ибо, при изучении различных проявлений психического мира человека, представляется во многих случаях невозможным точно отграничивать одно начало человеческой души от другого. Все эти начала большей частью тесно переплетаются одно с другим.

Прежде всего мы будем говорить о страстях – чревоугодии и блуде.

Об этих страстях у подвижников Добротолубия написано очень много в смысле собственно борьбы с этими страстями. Здесь мы приводим только некоторые изречения подвижников, определяющие эти страсти и их свойства.

Вот некоторые изречения подвижников, касающиеся чревоугодия.

Кассиян Римлянин: «Мерное употребление пищи состоит в ежедневном употреблении столько пищи, чтобы после вкушения ее не чувствовался голод. Такая мера сохранить душу и тело в одинаковом состоянии и не попустит человека вдаваться ни в чрезмерный пост, расслабляющий тело, ни в пресыщение, подавляющее дух».

Ефрем Сирин: «Многоедение и многопитие в настоящем только имеет приятность, а на следующий день оставляет в помысле неприятность и расслабление».

Нил Синайский: «Туман скрывает солнечные лучи, а густое испарение потребленных яств омрачает ум».

Иоанн Лествичник: «Как тучные птицы не могут высоко летать, так и угождающему своей плоти, невозможно взойти на небо».

Авва Дорофей: «Есть два вида чревоугодия: первый, когда человек ищет приятной пищи и не всегда хочет есть много, но желает вкусного; второй, когда кого берет многоедение и он не желает хороших снедей, и не заботится о вкусе их, но хочет только есть и есть, не разбирая, каковы снеди и заботясь только о том, чтобы наполнить чрево. Первый называется гортанобесие, а второй – чревобесие. Кто хочет воспринять пост в очищение грехов своих, тот должен избегать обоих сих видов чревоугодия ибо ими удовлетворяется не потребность тела, а страсть».

Варсануфий и Иоанн: «Что значит по прихоти принимать пищу и что по требованию естества? По прихоти значит хотеть принимать пищу не по потребности тела, а для угождения чреву (и гортани). Если, однако же, видишь, что тело твое охотнее принимает иную пищу не по сласти, а по легкости, то принимать ее не будет прихоть. Если желаешь узнать, одержим ли ты страстью чревоугодия, вот как узнаешь: если пища обладает помыслом твоим (так что ты не можешь противиться ему), то ты чревоугодник. Если же такого обладания нет, и ты свободно принимаешь всякую пищу, – в меру потребности тела, то у тебя нет чревоугодия».

Теперь перейдем к наиболее интересным изречениям подвижников, касающихся блуда.

Блудная страсть, по понятиям христианских подвижников, близко связана со страстью чревоугодия и в своем развитии прямо зависит от развития чревоугодия. Подвижник IV века св. Ефрем Сирин говорит, «что кто питает плоть тела своего, тот питает злые похоти, и срамные помыслы не оскудеют у него».

Весьма характерно тот же св. Ефрем Сирин набрасывает образ человека, приверженного греху седьмой заповеди: «Сластолюбивый, – говорит св. Ефрем, – при встрече женщин делается весел и привлекается красотой их; телесная доброцветность сводит его с ума, восхищает благообразие лица очаровывает статность стана, и в беседах с женщинами тает он от удовольствия; при воспоминании виденного, похотливо мечтает, живо представляя в уме женские лица, страстные их выражения, обворожительные улыбки, манования очей, нарядность одежд, лстивые речи, сжатие губ. С мужчинами ему скучно, а если увидит женщин, просветляется, бежит взад и вперед, чтобы оказать свои услуги; тогда откуда берется у него голос к пеню, умение сказать острое слово, посмеяться и доказать себя занимательным и приятным».

Другой подвижник IV века св. Кассиан Римлянин весьма подробно и интересно разработал вопрос о «борьбе с духом блуда». Упоминая между прочим в этой части своего сочинения о процветавших в его время ристалищах и играх в цирках, он ссылается на то, что и атлеты, стремящиеся к наградам и венкам, должны для сохранения своих сил беречь себя от увлечения похотью: «если там, – говорит Кассиан, – в мирских внешних состязаниях о венцах тленных так необходима чистота, то сколь безмерно необходимее она в нашем духовном внутреннем стремлении к венцам небесным? У нас требуется не внешняя только чистота от плотского греха или невольного осквернения, но также и внутренняя чистота мысли и чувства. Нам надлежит всяким хранением блюсти чистыми самые сокровенности сердца. Что те (ристалищные состязатели) желают иметь только телесно, тем мы должны обладать в глубинах совести. Вместе с тем, Кассиан говорит, что иное дело быть воздержанным, и иное чистым, пришедшим в невозмутимое состояние целомудренной непорочности и девствен-

ной невинности. Такая добродетель приписывается одним девственникам и девственницам душою и телом».

Как видно из сочинений подвижников Добротолюбия, сила половой страсти у многих аскетов, отдавших борьбу с ней, подавлялась с громадным трудом, причем она, несмотря ни на какие усилия подавить ее, иногда вновь возгоралась и мучила подвижника. Весьма интересно об этом предмете говорит Иоанн Лествичник, а именно, по его словам, подвижники заметили, что при борьбе с этой страстью «появляется иной помысел, который утонченнее всех других. Его называют набегом мысли, который без определенного времени, без слова и образа с быстротою стрелы внушает искушаемому страсть. Нет ничего скорбежнее в телах, ничего быстрее и мгновеннее в духах того, как этот помысел одним тонким напоминанием и безвременным и несказанным, а для иных даже и неведомым, вдруг являет свое присутствие в душе... Бывает, что душа от одного взгляда или прикосновения руки или слышания пения страстно блудствует (оскверняется и растлевается похотью), не думавши о том и не замышлявши того».

Ознакомившись вкратце с воззрениями христианских подвижников на физические страсти, каковы чревоугодие и блуд, перейдем к рассмотрению страстей иного порядка, а именно к унынию, печали и гневу.

Итак прежде всего об унынии.

Состояние уныния или упадка духа овладевает человеком, входит в его привычку и делается таким образом как бы страстью тогда, когда человек с этим состоянием не борется, ему подчиняется и губит этим свою энергию физическую, мысленную и духовную.

У подвижников Добротолюбия уныние называется также «сердечною тоскою»¹¹, «изнеможением души»¹². Чувство это сродни печали, о которой мы будем говорить дальше.

Из сборника Добротолюбия мы видим, что и христианским подвижникам было весьма знакомо это настроение уныния, но только причина этого настроения сводится к формуле очень простой. Они верили в демонов и в их злом воздействии видели причину «уныния», мучающего людей, причину всех этих темных настроений. Так, например, подвижник Авва Евагрий говорит, что бес уныния, который называется также полуденным, тяжелее всех бесов. Он приступает к монаху около десятого часа утра и кружит душу его до второго часу пополудни.

Особенно ярко картину такого навождения рисует нам св. Кассиан Римлянин. Вот его подлинные слова: «Когда уныние нападает на бедную душу инока, то порождает ужасание от места, отвращение к келье и презрение к братьям, с ним живущим, или на некотором от него расстоянии, как к нерадивым и совсем не духовным, самого же его совсем разленивает и отбивает от всякого дела, каким обычно ни занимается он в своем обителище, и в келье сидеть отбивает оно у него охоту и к чтению приступить не допускает, и заставляет воздыхать и жаловаться, что, сколько времени прожив здесь, нимало не преуспел и никакого не стяжал плода духовного, и болезновать внушает, что остается в этом месте попусту, когда мог бы управлять другими и многим приносить пользу, никого здесь не воспитал и никого своим наставлением и учением не породил духовно... Так волнуется бедная душа, застигнутая такими вражескими кознями, пока утомленный духом уныния инок или в постель попробует броситься, или, оставя келейный затвор, попытает поискать избавления от такой напасти в посещении какого-либо брата»¹³.

Характерный образ человека, находящегося в унынии, дает нам другой подвижник Добротолюбия – преподобный Нил Синайский. Он говорит: «унылый, читая книгу, часто зевает и клонится ко сну, потирает лицо, тянется, поднимая руки, и, отвернув глаза от книги, пристально смотрит на стену, обратившись опять к книге, почитает немного, переворачивая листы, любопытствует видеть конец слова, считает страницы, делает выкладку о числе

целых листов, осуждает почерк и украшения и, наконец, согнув книгу, кладет под голову и засыпает сном не очень глубоким, потому, что голод начинает уже тревожить его душу и заставляет позаботиться о себе».

Следующий род страсти, весьма близкий к унынию, есть чувство печали. О близком родстве этих двух страстей говорит один из подвижников Добротолюбия Кассиан Римлянин. По сравнению с унынием, печаль есть чувство более острое; уныние, как было уже сказано выше, является во многих случаях настроением как бы безотчетным, тогда как в основании печали лежит всегда ясно сознаваемая её причина. При этом печаль не есть страсть самодовлеющая, а является как бы отражением от других страстей человеческих. Она происходит от неудовлетворения человека в его привычке или приращении к известным ощущениям, так, например, подвижник Нил Синайский говорит: «Гнев желает отмщения; неуспех в отмщении порождает печаль». Точно также печаль является, по мнению того же подвижника, следствием неудовлетворения эгоистических желаний. Кто победил эти желания, говорит Нил Синайский, тот победил страсти, а кто победил страсти, тем не овладеет печаль. «Любящий мир, много имеет печалей, а презирающий все, что в мире, всегда весел».

Перейдем теперь к одному из самых ярких проявлений злых страстей – к чувству гнева. Что есть гнев?

Согласно пониманию подвижников Добротолюбия, гнев есть такое возмущение сердца, которое может перейти в желание сделать зло огорчившему.

Относительно того, как возникает чувство гнева и как оно, разрастаясь, переходит в чувство злопамятства, мы находим интересные страницы у св. Аввы Дорофея¹⁴. Авва Дорофей приводит для выяснения этого вопроса такой общий пример, когда один монах нанесет, например, другому монаху какое-либо незначительное оскорбление словом (малое слово брани). Слово это Авва Дорофей сравнивает с горящим угольком, могущим в костре разгореться в большое пламя. Авва Дорофей говорит «если ты перенесешь это слово, то ты и погасил уголек. Если же будешь думать – зачем он это сказал? Тогда, так и я ему скажу то и то; если бы он не хотел оскорбить меня, то не сказал бы этого, – так и я оскорблю его непременно. Вот ты и подложил лучинки или что другое – подобно разводящему огонь, и произвел дым, который есть смущение (огорчение). Смущение есть то самое движение и возбуждение помыслов, которое воздвигает и раздражает сердце. А раздражение есть отмстительное восстание на опечалившего».

«Если бы ты перенес малое слово брани, – продолжает далее св. Авва Дорофей, – то погасил бы этот малый уголек, прежде чем произошло смущение. Однако и его, если хочешь, можешь удобно погасить, пока оно еще ново, молчанием, молитвою, одним поклоном от сердца. Если же будешь продолжать дымить, т. е. раздражать и возбуждать сердце помышлениями: зачем он... так и я... то от сего разгорится сердце твое и породится воспаление раздражительности. Если хочешь, можешь погасить и ее, прежде чем произойдет гнев. Если же будешь продолжать возмущать и раздражать себя, то уподобишься человеку, подкладывающему дрова на огонь, от чего образуется пламень огненный и это есть гнев. А гнев, если закоснеет, обращается в злопамятность, от которой человек не освободится, если не прольет крови своей (потов и трудов над собою)».

В заключение же св. Авва Дорофей говорит: «Всегда отсекайте страсти, пока они еще молоды, прежде нежели оне укореняются и укрепятся в вас и станут удручать вас, ибо тогда придется вам много пострадать от них. Иное дело вырвать малую былинку, а иное искоренить большое дерево».

По учению св. Кассиана Римлянина, гнев проявляется в следующих трех видах – первый тот, который пылает внутри, второй тот, который прорывается в слово и дело (так называемая вспыльчивость) или, как говорит св. Иоанн Лествичник, мгновенное возгорение

сердца, и третий тот, который горит долгое время и называется злопамятством, переходящий иногда в высшую форму гнева – ненависть.

Относительно этого последнего вида, гнева св. Иоанн Лествичник говорит, что он представляет собой последний предел гнева – яд душегубный, грызущий сердце червь, вонзенный в душу гвоздь, непрестанный грех, неусыпное беззаконие, ежечасное зло».

О чувстве ненависти св. Антоний Великий высказывается так же, как об одной из самых злых человеческих страстей. Вспомним и то, что св. евангелист Иоанн говорит о ненависти в своем первом послании: «Всякий ненавидящий брата своего есть человекоубийца»¹⁵.

Чувство ненависти является настолько интенсивным, производит настолько сильные вибрации, что они, по удостоверению ясновидящих, т. е. тех, которые имеют способность непосредственно воспринимать эти вибрации, могут быть даже видимы зрением ясновидящего.

У многих людей на почве чувства злобы и недоброжелательности иногда развиваются и другие дурные привычки, которые тоже можно отнести к злым человеческим страстям. Таковы, например, привычки к злословию, к осуждению и к унижению ближних.

Об этих привычках св. Авва Дорофей, между прочим, пишет, что иное дело злословить, иное дело осуждать, иное – унижать. Злословить о ком-либо – значит сказать страстно о его согрешении. Осуждать – значит, по мнению св. Аввы Дорофея, осудить самое расположение души своего ближнего, произнести приговор о всей его жизни. Унижение же, по словам св. Аввы Дорофея, есть то, когда человек не только осуждает, но и презирает своего ближнего, гнушается им и отвращается от него, как от некой мерзости – это хуже осуждения и, по мнению св. Аввы Дорофея, гораздо пагубнее для человека.

Наконец, в заключение, мы не можем не привести весьма интересное изречение одного из подвижников Добротолюбия – блаженного Аввы Зосимы об усиленном гнев или двоегневии. Авва Зосима говорит, что двоегневен тот, в ком не умолкает брань, кто не довольствуется первым раздражением, но сам еще разжигает себя ко второму гневу... Кто разгневавшись, не сознается в вине своей, но еще более раздражает себя на гнев и жалеет не о том, что разгневался, а что не наговорил еще больше того, что сказал в раздражении своем».

К числу страстей отнесены нами тщеславие, гордость и сребролюбие (чрезмерная приверженность человека к имуществу).

Прежде будем говорить о тщеславии и гордости и о связи их между собою.

Человек эгоистический, не сознающий зла в инстинкте эгоизма, – на эгоизме основывающий всю свою душевную жизнь, творит зло просто в силу своей испорченной природы, поклоняющейся культу эгоизма. Одно из первых проявлений испорченности такого человека состоит в наслаждении, испытываемом им от ощущения самомнения или от ощущения умственной гордости...

Резкое осуждение и яркий протест против этих страстей мы нашли во всех сочинениях подвижников Добротолюбия. Они признают тщеславие началом гордости, понимая под словом «гордость» чувство более интенсивное, чувство самовозношения, доведенное до высшей степени. Самоменение же они признают страстью более слабой, тождественной с тщеславием. Поэтому они начинают сначала изучать психологию тщеславия и затем уже от тщеславия, как страсти более слабой, переходят к гордости, как к страсти сильнейшей и, по их мнению, более пагубной. Этого же порядка рассмотрения страстей будем держаться и мы при изложении мыслей подвижников Добротолюбия об этих двух страстях человеческих.

Итак, сначала о тщеславии.

Вот как говорит о тщеславии (честолюбии, славолубии) св. Кассиан Римлянин в своем трактате «Борьба с духом тщеславия»:

«Тщеславие – страсть разнovidная, изменчивая и тонкая, так что с самыми острозорскими глазами едва можно не только предостеречься от неё, но её рассмотреть и узнать. Прочие страсти просты и однообразны, а эта многочастна и многообразна и отовсюду и со всех сторон встречает воина и когда он еще борется и когда уже является победителем. Ибо она покушается уязвить воина Христова и одеждою, и статностью, и походкою и голосом, и работою, и бдениями, (т. е. похвалою в том, что человек усердно работает над страстями, что он постится и молится) и постами, и молитвою, и уединением и чтением, и познаниями, и молчаливостью, и повиновением, и смирением, и благодушием и, как некий опаснейший камень подводный, покрытый вздымающимися волнами, в то время, как не опасаются, причиняет внезапно бедственное кораблекрушение плывущим при благоприятном ветре».

Очень близкую к приведенному изречению Кассияна Римлянина характеристику тщеславия мы находим у св. Иоанна Лествичника. Он говорит, что «тщеславие ко всему льнет: тщеславолюсь, когда пощусь; но, когда разрешаю пост, чтобы скрыть от людей свое воздержание, опять тщеславолюсь, считая себя мудрым; побеждаюсь тщеславием, одевшись в хорошие одежды; но и в худые одеваясь, также тщеславолюсь; стану говорить – побеждаюсь тщеславием; замолчу – опять им же побежден бываю. Как ни брось сей трезубец, все он станет вверх острием», – заключает свои слова св. Иоанн Лествичник.

Характерное изречение о тщеславии мы нашли также у Аввы Евагрия: «Трудно избежать домысла тщеславия, говорит он, ибо что ни сделаешь к прогнанию его, то становится началом нового движения тщеславия».

Интересное рассуждение, касающееся психологии тщеславного человека проводит в своем трактате «О любви» св. Максим Исповедник. Он замечает, что кто творит добродетели из тщеславия, тот и познания ищет из тщеславия же. Но таковой ничего уже не делает и не говорит для назидания, но во всем ищет уловить славу от видящих дело его или слышащих слово его. Обличается же страсть сия тем: если, когда некоторые из таковых станут хулить слова или дела его, – он крайне огорчается тем не потому, что те не получили назидания, ибо сей цели он и не имел, но потому, что он унижен или уничижен ими».

А вот еще одно тонкое замечание о проявлениях тщеславия, высказанное Кассияном Римлянином: «Иному тщеславие внушает, – говорит св. Кассиан, – что если бы он остался в мире, то легко стяжал бы и почести и богатство, хотя он никогда и не мог бы их достигнуть, обманывая его таким образом принесением в жертву безвестных надежд и заставляя тщеславиться оставлением того, чем никогда не владел».

Теперь перейдем к страсти более сильной чем тщеславие – к гордости, о которой Кассиан Римлянин выражается так: «Усиление тщеславия дает начало гордости. От чрезмерного тщеславия рождается страсть гордости». Подвижник же Нил Синайский приводит относительно гордости и тщеславия такое характерное уподобление: «Блистание молнии предугадывает громовой удар, а о гордости предвещает появление тщеславия».

Последнее уподобление весьма верно выражает существо дела и вот почему. Мы определяем эти страсти, как мысленное самоуслаждение человека от сознания своего превосходства. Привычка человека часто погружать себя в это мысленное самоуслаждение может привести к тому, что состояние это из чувства сравнительно спокойного, как и всякое мысленное сознание известного блага, может перейти в настроение более возбужденное, в эмоцию, проникающую во все существо человека. Эмоция может перейти в такое состояние, которое св. Антоний Великий называет гордостью сердца и что мы обыкновенно называем самовлюбленностью или самообожением. Относительно этого состояния св. Антоний Великий выразился так: «Все грехи мерзки перед Богом, но всех мерзостнее гордость сердца».

Страсть эту другой христианский подвижник св. Кассиан Римлянин называет самым свирепым и неукротимым зверем, нападающим не только на людей обыкновенных, но и на людей, отдавших себя подвижничеству и «с лютым грызением пожирающим их, когда они

достигают почти уже самой вершины добродетели». В последнем случае гордость является, как бы, возношением перед самим Богом, что вполне согласуется и с нашими терминами «самообожение», при такой гордости единственным высшим существом в мире для подвижника является он сам – подвижник, а не то Единое Великое «Я» – Господь Бог Вседержитель, Который создал весь мир и живет в людях, удостоившихся Его благодати.

У людей обыкновенных – не подвижников, гордость проявляется в форме так называемой надменности; таких людей надменных, в особенности в последнее время – время всеобщего поклонения эгоизму, мы встречаем на каждом шагу. Св. Авва Дорофей определяет надменность (или первую степень гордости) как состояние, «когда кто кого укоряет, осуждает, бесчестит, как ничего не значащего, а себя считает выше его». В сущности такая надменность есть увлечение самим «я», заставляющее считать себя выше всех окружающих.

Гордость, нападающую на людей, ведущих подвижническую жизнь и в ней преуспевающих, авторы сборника Добротолюбия называют гордостью духовной. По определению св. Аввы Дорофея, эта гордость «гордится против самого Бога и приписывает себе свои подвиги и добродетели, а не Богу, как будто бы он (подвижник) сам собою совершил их, своим знанием и умом, а не помощью Божией». Об этой гордости св. Кассиан Римлянин говорит, что «коль скоро она овладеет бедною душою, то как какой-нибудь свирепейший тиран, по взятии самой верхней крепости добродетелей – смирения, весь их город до основания разрушает и разоряет».

Выражая все эти горячие свои протесты против гордости, некоторые подвижники, как, например, св. Ефрем Сирин, заключают свои речи такой успокаивающей сентенцией: «Сколько не превозносится человек в гордыне сердца своего, все же он попирает землю, из которой взят и в которую пойдет».

Приведенные нами человеческие страсти – тщеславие и гордость дают начало многим другим злым страстям человеческим. Из них наиболее распространенными среди людей являются страсти человека ко лжи и лицемерию. «Кто сделался рабом тщеславия, – говорит св. Иоанн Лествичник, – тот ведет двойную жизнь – одну по наружности, а другую по образу мыслей и чувств; одну – на людях, а другую – наедине с собою». Иначе говоря, этим изречением св. Иоанн Лествичник выражает мысль, что в этой двойственной жизни, происходящей от тщеславия, – та жизнь, которую тщеславные проявляют на людях (жизнь наружная) есть, по существу своему, жизнь обмана и лицемерия. В своих сочинениях св. Иоанн ничего не говорит о том, насколько такая жизнь была распространена в его время; но что касается нашей эпохи, то все мы ощущаем, что обман и лицемерие есть воистину та атмосфера, в которой мы постоянно живем и в которой, если и попадаются правдивые люди, то только как исключение.

Из сентенций св. Аввы Дорофея в его «подвижнических наставлениях» мы извлекаем определения следующих видов лжи: 1) ложь словами, когда человек придумывает лживые объяснения и факты для своих эгоистических целей, 2) самообман – ложь бессознательная, когда человек, привыкая обманывать других, начинает обманывать и самого себя и 3) ложь жизнью, когда человек притворяется своими поступками, чтобы обмануть людей.

Протест против лицемерия некоторые подвижники Добротолюбия проявляют не менее сильный, чем против тщеславия и гордости, например, Максим Исповедник говорит о лицемерии так: «Лицемерие есть притворение дружбы, или – ненависть, прикрываемая видом дружбы или – вражда, под прикрытием благоволения действующая, или – зависть, подражающая характеру любви, или – жизнь красная притворным видом добродетели, а не действительною добродетелью, или – притворение праведности, показанием только, будто она есть, соблюдаемое, или – обман, имеющий вид истины; что всё ухитряются устроить в нравственной испорченности подражающие змию».

Подвижники находят, что вступивший на христианский путь должен стремиться раньше всего и прежде всего избавиться от гордости, что, хотя и невозможно подавить в себе чувство тщеславия обыкновенными человеческими силами, но что это достижимо с помощью благодати Божией и что достигнуть чувства всеобъемлющей и Божественной любви возможно только уже после того, как гордость и тщеславие будут окончательно подавлены. Средство к подавлению этих страстей христианские подвижники видят в молитве и развитии в себе чувства смирения.

В заключение настоящей рубрики о гордости – мы считаем интересным, для возможно полного освещения этой страсти, привести здесь некоторые извлечения из статьи «Героизм и подвижничество» С. Н. Булгакова, касающиеся интеллигентского лжегероизма, представляющего собой проявление своеобразной формы душевной гордости.

В означенной статье С. Н. Булгаков, между прочим, пишет, что в последнее время героизм этот вылился в такую форму: «герой есть до некоторой степени сверхчеловек, становящийся по отношению к ближним своим в горделивую и вызывающую позу спасителя», и при всем своем стремлении к демократизму интеллигенция, по мнению Булгакова, есть лишь особая разновидность сословного аристократизма, надменно противопоставляющая себя обывателям. Кто жил в интеллигентских кругах, замечает С. Н. Булгаков, хорошо знает это высокомерие и самомнение, сознание своей непогрешимости и пренебрежение к инакомыслящим и этот отвлеченный догматизм, в который отливается здесь всякое учение. Далее С. Н. Булгаков говорит, что своеобразная природа интеллигентского героизма выясняется для нас полнее, если сопоставить его с противоположным ему духовным обликом христианского героизма или точнее христианского подвижничества. Герой, ставящий себя в роль Провидения, благодаря этой духовной узурпации, приписывает себе и большую ответственность, нежели может понести, и большие задачи, нежели человеку доступны. Христианский подвижник верит в Бога-Промыслителя, без воли Которого волос не падает с головы. История и единичная человеческая жизнь представляются в его глазах осуществлением, хотя и непонятным для него в индивидуальных подробностях, строительства Божьего, перед которым он смиряется подвигом веры. Благодаря этому он сразу освобождается от героической позы и притязаний. Его внимание сосредоточивается на его прямом деле, его действительных обязанностях и их строгом, неукоснительном исполнении. Конечно, и определение, и исполнение этих обязанностей требует иногда не меньшей широты кругозора и знания, чем та, на какую притязает интеллигентский героизм, однако, внимание здесь сосредотачивается на сознании личного долга и его исполнении, на самоконтроле, и это перенесение центра внимания на себя и свои обязанности, освобождение от фальшивого самочувствия непризванного спасителя мира и неизбежно связанной с ним гордости, оздоравливает душу, наполняя ее чувством здорового христианского смирения. К этому духовному самоотречению, к жертве своим гордым интеллигентским «я» во имя высшей святыни призывал Достоевский русскую интеллигенцию в своей Пушкинской речи: «смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость... Победишь себя, смиришь себя и станешь свободен, как никогда и не воображал себя, и начнешь великое дело и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя».

Чтобы закончить рассмотрение главных злых страстей человеческих, мы должны здесь сказать несколько слов о страсти, именуемой подвижниками «сребролюбием». По существу своему эту страсть – сребролюбие, подвижники понимают в широком смысле: это не есть страсть собственно к деньгам, как к металлу звенящему, а есть чрезмерная приверженность человека к имуществу вообще, приверженность, как говорит Нил Синайский, превышающая телесную потребность.

В те отдаленные времена, когда писались сочинения цитируемых нами подвижников, власть денег, власть богатства были еще в зародыше. Тогда властвовала сила меча, а не злата.

Деньги, хотя и значили много в мире, но их всесокрушающее значение не проявлялось в ту эпоху в такой степени, как оно проявляется теперь; поэтому подвижники Добротолюбия приписывали страсти к деньгам и богатству второстепенное значение, например, Кассиан Римлянин говорит, что сребролюбие легче, чем другие страсти, может быть предотвращено и извергнуто.

До чего слабо проявлялась в те времена, например, в IX веке, в монастырях страсть сребролюбия, это видно из следующего случая, о котором упоминает подвижник IX века св. Феодор Студит в одной из своих проповедей. «Поведать вам хочу, – сказал св. Феодор Студит, – печаль души моей о брате Василии скончавшемся, что он отошел, не очистив совести своей, так как у него нашли два сребренника. Увы! Какое ослепление! На чем удержал его диавол? Два сребренника почел ценными более Царствия Небесного... Где же отречение? Помолимся убо о нем и одну неделю будем каждодневно класть за него по три поклона и творить тридцать молитв, да простит ему Господь прегрешение его».

В настоящее время мы знаем, как могущественна эта страсть, которая представляет собою не только страсть к приобретению имущества или драгоценностей в узком смысле этого слова, а в большинстве случаев является, как стремление к властолюбию, к удовлетворению тщеславия, гордости и других злых человеческих страстей. Поэтому она и развита в настоящее время наиболее сильно, чем когда-нибудь.

Эта всеобщая страсть людей к чрезмерному приобретению имущества, эта погоня только за богатством привели, при настоящем развитии техники и экономической жизни, к тому, что чрезмерные накопления капиталов у одних классов общества вызывают взрывы озлобления и ненависти у других, лишенных самого необходимого, чтобы жить. Страсть к стяжанию в наш век – это всеобщая зараза, внедрившаяся в человеческую жизнь, как неизбежный закон, как главный двигатель всего человечества. Только путем страшных потрясений человечество вылечится от этой заразы, только после гигантских гроз, которые озонируют отравленную атмосферу, всеобщее стремление к богатству потеряет свою силу, разовьются другие высшие человеческие стремления, которые заглушат это царствующее ныне поклонение золотому тельцу.

В заключение нам остается коснуться небезынтересной темы о самом процессе возникновения в душе человека злой страсти и дальнейшего развития её и превращения в привычку укоренившуюся и непреодолимую.

Христианский подвижник Никодим Святогорец, написавший трактат о борьбе со страстями «Невидимая брань», приписывает возникновение страсти, так называемым, «искусительным помыслам», которые «приражаются» к душе или внешним путем чрез впечатления внешних чувств, или внутренним «чрез непосредственные внушения худого в сердце».

Возникновение «искусительного помысла» (соблазняющей мысли) вследствие впечатлений внешних чувств естественно и понятно каждому, поэтому не требует объяснений. Другое дело, когда соблазняющая мысль возникает, говоря словами Никодима Святогорца, «чрез непосредственные внушения худого в сердце», т. е. когда эта мысль вступает в сознание из таинственной области сердца (солнечного сплетения) в виде готового результата, когда процесс её зарождения теряется в этой области, причем сам человек, хотя бы он подвергал себя строгому самонаблюдению, не может объяснить, откуда у него явился первый импульс недоброго движения души.

Лодыженский М. В. Мистическая трилогия. – СПб., 1914.

Демон похоти

Из числа означенных страстей наиболее непреодолимою для человека признается страсть похотная. Это утверждают христианские подвижники, проходившие тяжелый подвиг борьбы со своими страстями. По мнению, например, святого Афанасия Великого в чувственности диавол имеет наиболее удобную точку приложения.

Афанасий Великий говорит, что одним из первых приступов нападений демонов на подвижника это было то, что они пользовались наклонностью человека к чувственным удовольствиям и старались вовлечь монаха в блуд¹⁶.

Интересно сообщение подвижника первых веков христианства блаженного Иеронима о громадной силе женского обаяния – обаяния чисто чувственного, влекущего к похотной страсти.

Несмотря на свой старческий возраст, Иероним почувствовал эту силу именно тогда, когда предался аскетической жизни. Иероним рассказывает о себе, что, когда он жил в Риме и часто бывал в обществе набожных дам и девиц столицы мира, тогда он не чувствовал ни малейшего к ним движения ни в воображении, ни в теле. Но когда Иероним удалился в Вифлеемскую пустыню и предался строжайшим иноческим подвигам, тогда внезапно начали рисоваться в его воображении образы виденных им в Риме женщин, а в старческом теле, изнуренном жаждою, неедением, бдением, трудами, появлялись юношеские вожделения. Победа была очень трудная, пишет Иероним, потому что естеству предстояло в помощь, как это обыкновенно бывает, явное содействие диавола¹⁷.

О том же предмете другой подвижник первохристианства Кассиан Римлянин говорит так: «Истребить в собственной плоти нечистое вожделение, это есть большее чудо, нежели изгнать нечистых духов из чужих тел»¹⁸.

С тех пор прошли века и человек в силе своих вожделений не изменился; не изменился он и в своей уязвимости темною силою. Он и нынче подвержен таким же нападениям. Разница теперь лишь в том, что человек в громадном своем большинстве не понимает и не может осознать, откуда во многих случаях идут веяния, разжигающие его похоть. К тому же современный человек совершенно распустил себя в отношении борьбы с похотною страстью. Мало того, он счел даже за лучшее идти путем обратным – идти путем насыщения и пресыщения себя похотью. Заснувшая совесть против этого не протестует. И вот мы видим, как у людей от их распущенной жизни угасает чувство, очерствляется сердце, растлевается радость жизни, порождается уныние и отчаяние. Правда, некоторые исключительные натуры выдерживают эту жизнь до глубокой старости, являя собой неисправимое зло и питаясь им до конца дней своих. Но зато многие, отдавшиеся похоти, не выдерживают этого прожигания жизни и кончают её в больших страданиях, нередко даже в форме самоубийства.

После всего того, что было нами вообще изложено о власти демона похоти, власти могущественной, невольно возникает следующий вопрос.

Каким же путем человек может себя избавить от этих воздействий темной силы на его похоть? Ведь, сексуальное чувство, которое, как мы видим, столь уязвимо злом, есть неизбежное переживание, вложенное в инстинктивную природу людей, и вложено оно для осуществления назначения человека плодиться и множиться в этом земном мире.

На это можно ответить, что вопрос об ограждении человека от злых воздействий похоти <...> разрешен христианской религией в форме вполне осуществимой для всех мирян и, по нашему глубокому убеждению, кроме этого разрешения – нет другого пути для людей, живущих в миру, к избавлению человека от этих вредных для него воздействий.

Христианство разрешило этот вопрос установлением христианского брака, согласовавшего физическую сторону человека с главной потребностью людей – потребностью их жизни в Духе.

Что же такое по существу своему представляет этот христианский брак?

Ответ на это следующий.

При христианском браке мужчина и женщина соединяются в атмосфере христианского чувства любви. В этой любви и осуществляется тайна соединения мужественного и женственного, связанная с тайной пола. Чувственная эротика, соединяющая брачующихся, гибнет в лучах этой любви. Здесь превыше всего – духовная сторона человека. Силою духа и освещается человеческая плоть.

Такова постановка христианского брака в его высшем идеале, к которому человек должен стремиться. Для достижения же этого идеала человек должен быть целомудренным, т. е. должен охранять себя от эгоистических поползновений своей похоти нарушить нравственный закон.

Итак, в браке выше всего – христианское чувство любви и целомудрие, оберегающее чистоту этой любви. Муж любит жену свою прежде всего как свою духовную нераздельность. Только при этих условиях любви христианской – неизбежный по природе акт полового общения ставится брачующимся в свое надлежащее место, нисколько не теряя сам по себе своего значения, ставится в гармонию подчинения духу, а не во главу угла, как это болезненно выработала наша интеллигенция, превратившая брак в культ чисто эротический и эгоистический – культ творящий подобие любви, каковое подобие любви тотчас же гаснет вслед за удовлетворением страсти. Брак, который мы видим у большинства нашей интеллигенции, в сущности – это эгоистический культ похоти, убивающий деторождение.

Вот к этому-то культу и «подстревает» темная сила, доводящая людей до всяческих эксцессов.

Лодыженский М. В. Мистическая трилогия. – СПб., 1914.

Состояния упадка духа

*«Отчаиваться бедственнее, чем согрешать»
из высказываний подвижников «Добротолюбия»*

Состояния упадка духа относятся также к злым страстям человеческим. Эти состояния овладевают человеком, входят в его привычку и делаются страстью, когда человек с этими состояниями не борется, им подчиняется и губит этим свою энергию, физическую, мысленную и духовную.

Существует целый ряд душевных настроений этого рода, ряд болезненных переживаний, которые мы определяем словами: печаль, уныние и отчаяние. Эти переживания – целая гамма ощущений, начиная с элегии грусти и кончая припадками невыносимых душевных страданий.

Рассматривая эти состояния ближе, мы видим, что они отличаются друг от друга не только по силе интенсивности каждого из них, но и по роду самого настроения. Так, печаль может начинаться со степеней незначительных и слабых, и при этом она может быть даже окрашена поэтическим чувством, имеющим свою прелесть, и та же печаль может быть глубоко, остро с терзающими душу мучениями. Уныние имеет также свое разнообразие и оттенки – мы видим иногда уныние, как подавленное состояние духа с плачем и вздыханиями; иногда же оно является с примесью озлобления на все и вся. Печаль и уныние отличаются друг от друга главным образом тем, что в основании печали всегда лежит ясно сознаваемая причина, тогда как при унынии эта причина расплывается во что-то неопределенное, как бы, совсем теряющееся; уныние в своей окончательной форме является беспричинным упадком духа, является просто болезненным поражением души в ее мыслительной и эмоциональной сферах.

Отчаяние имеет также большое разнообразие; при отчаянии обыкновенно сознают основную причину, откуда возникает это отчаяние, и лишь в некоторых случаях оно является безотчетным, как высшая степень безотчетного уныния.

Далее мы коснемся прежде всего печали и двух основных форм уныния: уныния при полной подавленности духа и уныния с примесью чувства злобы, затем перейдем к отчаянию, возникающему из этих чувств, и, наконец, будем говорить о высшей стадии проявления отчаяния, будем говорить о самоубийстве – об этой страшной болезни настоящего времени.

Печаль

Скажем прежде всего несколько слов о чувстве печали.

Интересные в этом отношении указания мы можем почерпнуть из наблюдений, которые делали над собой христианские подвижники при впадении их в печаль. Хотя изречения подвижников, касающиеся этого предмета, относились к жизни иноков, подвизавшихся в монастырях и пустынях, но они имеют значение и для всех нас, ибо чувство печали является свойством общим для всех людей, при всяких их положениях.

Надо сказать, что подвижники различают два рода печали: печаль по Богу и печаль мира сего. Печаль по Богу они понимали, как чувство сокрушения человека о содеянном им грехе. «Эта печаль, – говорили подвижники, – не налегает на человека подавляющей тяжестью, но говорит ему: не бойся, приди опять к Богу, ибо знает Он, что человек немощен и подает ему силу»¹⁹.

Другое дело – так называемая, печаль мира сего. По изречениям подвижников, подобная печаль в большинстве случаев является, как переживание, производное от неудовлетворения человеком известных страстей своих. Так Нил Синайский говорит: «Гнев желает

отмщения; неуспех в отмщении порождает печаль»²⁰. «Кто победил страсти, тем не владеет печаль»²¹. Тоже говорит и Максим Исповедник – «со злопамятством неразлучна печаль»²².

Если такая печаль овладеет человеческою душою, то она сама делается привычкой или как бы страстью человека.

Вот, против этого рода печали подвижники и восставали, как только могли; они также преподавали советы к борьбе с печалью, «нападающей на людей по причине временных потерь и неприятностей, которая нередко бывает для них причиной даже смерти»²³.

В целях характеристики печали мы сделали эти краткие выписки из изречений христианских подвижников, собранных в книгах «Добротолюбие». Нельзя не признать за этими изречениями глубокой мудрости и проникновения в сердце человеческое.

Уныние

Перейдем к исследованию по «Добротолюбию» другой формы упадка духа, к исследованию уныния, относительно которого у подвижников интересующие нас указания имеются и притом указания в определенной и категорической форме.

Как мы излагали выше, различаются два основных рода уныния. Уныние при полной подавленности духа без чувства какого-либо озлобления и уныние с примесью чувства злобы,

Замечательно, что, судя по изречениям подвижников, они не были знакомы с унынием, к которому примешивалось злобное чувство. Это, конечно, объясняется тем, что чувство озлобления было подвижниками искореняемо по мере их сил, благодаря непрестанной их борьбе с собою и со своими страстями. Но, зато подвижников часто преследовала, как видно из «Добротолюбия», беспричинная подавленность духа, и относительно этого рода уныния они нам дают материал довольно богатый. Что же касается второго рода уныния, а именно уныния с примесью чувства злобы, то материал для исследования этого состояния (встречающегося ныне нередко у наших интеллигентов) мы можем найти у современных нам писателей беллетристов, которые дают немало данных по этому предмету.

Приступая к изречениям подвижников об унынии, мы должны прежде всего сказать, что вообще мы весьма ценим опытные данные их подвижнической жизни, касающиеся ее мистической стороны. После подробного изучения творений подвижников, мы убедились, что они были глубокими психологами по вопросам духа; постоянная их борьба со своими страстями, постоянное их самонаблюдение (трезвение) открывало им тайны темных мистических влияний, открывало те тайны, которые обыкновенно ускользают от нас, ведущих рассеянную жизнь, расплывающуюся в суете бесконечных мирских впечатлений.

Итак, приведем некоторые наиболее интересные указания подвижников относительно уныния. Св. Иоанн Лествичник говорит, что уныние есть расслабление души, изнеможение ума. Св. Кассиан Римлянин называет это уныние тоскою сердечною; причем он говорит, что оно происходит от вражеских козней. То же говорит и другой подвижник Евагрий монах; он также приписывает это беспричинное состояние тоски воздействию злой мистической силы. Он говорит, что демон уныния (полуденный демон) «всю душу охватывает и ум потопляет». Евагрий отличает этого демона от других демонов зла. По Евагрию, те демоны касаются лишь части души, а здесь охватывается злою силою все существо человека.

Дополним теперь картину этого состояния примером, который мы имеем в одном из писем ближайшего к нам по времени подвижника Феофана Затворника.

Феофан Затворник, отвечая одному из своих учеников на его жалобу о постигшем его унынии, цитирует саму эту жалобу ученика, рисуящего свое состояние, следующим образом:

«Молюсь рассеянно, – пишет ученик, – читаю без охоты. На душе темно и мутно. Бросаюсь на колени перед иконою и взываю к Богу... а все беспокойно на душе; иногда целая буря поднимается... буря каких-то неопределенных мыслей, неясных желаний, стремлений неизвестно к чему... это самые трудные минуты... молюсь, борюсь и нет облегчения. Наконец, успокаиваюсь, а тогда охлаждение находит... ни к чему нет охоты, пусто и холодно на душе».

И, вот, на эти жалобы Феофан также разъясняет своему духовному сыну, что это враг «подстревает» со своими внушениями²⁴.

Итак, как видят читатели, воззрение и у Феофана здесь то же, что и у Евагрия. По этим воззрениям – в душу инока, впавшего в такое состояние, проник демон уныния, который и мучает его душу.

Таково изображение подавленного состояния души, которое мы нашли в сочинениях христианских подвижников.

Отчаяние

Но что такое по существу своему состояние отчаяния?

Отчаяние – это то состояние, когда человек не только пришел к непоколебимому убеждению, но осознал всем существом своим, что жизнь его имеет лишь ценность отрицательную. Это осознание у человека явилось или вследствие невыносимых страданий, на него нахлынувших, или – как результат его пессимистического мировоззрения, в силу которого жизнью вообще дорожить не следует; причем в человека внедрена уверенность, что надежда на лучшее будущее эфемерна.

В этом приведенном нами определении отчаяния мы можем усмотреть два главных рода его: отчаяние в острой форме, как следствие страданий, надвинувшихся на человека, и отчаяние в состоянии длительном, хроническом, являющееся, как результат известного мировоззрения, укрепляемого с одной стороны ударами судьбы, а с другой тем, что зло часто торжествует в этом нашем земном мире.

Приведем справочно, что об отчаянии говорят наши христианские подвижники. «Ничто так не сильно, как отчаяние, – говорит христианский подвижник VI века св. Исаак Сирин. – Когда человек в мысли своей лишит жизнь свою надежды, тогда нет ничего дерзостнее его..., потому что всякая приключаящаяся скорбь легче смерти, а он подклонил главу, чтобы принять на себя смерть»²⁵.

«Отчаиваться бедственнее, чем согрешать, – пишет другой подвижник Иоанн Карпафский, – Иуда предатель был малодушен и не искусен в брани, почему впал в отчаянье и враг, набежав, набросил на него петлю»²⁶.

Это последнее изречение очень характерно: в нем заключается мысль, что даже Иуда, который предал самого Спасителя мог бы спастись, если бы не отдался унынию и отчаянию и с ними боролся, если бы он не отдался тем состояниям, при которых темная сила окончательно уже губит человека – «набрасывает на него петлю».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.